

WARHAMMER
40,000

EDITED BY NICK KYME AND LINDSEY PRIESTLEY

HEROES OF THE SPACE MARINES

FEATURING NEW STORIES BY NICK KYME, GRAHAM MCNEILL,
STEVE PARKER, GAV THORPE AND MORE...

ОГНИ ВОЙНЫ

Предыстория романа «Саламандра»

— ОБРАДУЙ ТЕНЯ, ХЕЛЛИЖАН, — проворчал полковник Тонхаузер. Старый солдат говорил краем рта с тлеющей теждү губами сигарой.

Он инстинктивно пригнулся, когда мастерскую до самого основания сотряс еще один взрыв, и с

потолка на расстеленную на верстаке карти на посыпались кусочки рокрита.

— Этот был уже ближе... — пробормотал Тонхаузер, выныхая дыр и уже в сотый раз отряхиваясь от пыли и тусора.

Тяжело сдавать собственный город врагу. А когда враг — внутренний, это еще более отвратительно. Но именно с такой суровой реальностью пришлось столкнуться Абелю Тонхаузеру из 13-го авиакорпуса Стратоса. Он и так уже отстутил перед бесконечными ордами культистов-тамежников, и, тем не менее, они рвались

дальше. Скороничего не останется.

Защита трех

первостепенных городов Стратоса была на грани краха. Знамок облака и толни, хоть и покрытый

грязью за многие недели сражений, гордо висел на двубортной коричневой кожаной куртке. Он

был всего лишь из тести, но весил не меньше наковальни.

Здание мастерской, которое полковник превратил в свой командный пункт, было полно

вышедшего из строя авиационного оборудования и более или менее починенных механизмов;

кроме того, здесь находился авиааремонтный цех для дирижаблей и других летательных аппаратов,

бывших неотъемлемой частью жизни на Стратосе. Пол был завален баллонами со сжатым

воздухом, измерителями давления и кольцами ребристых шлангов. Зал, в

котором Тонхаузер

совещался с сержантом Хеллитаном, в то время как рядовой Айкер прослушивал в окс-каналы,

б ы л и ш и р о к и т и   д л и н н ы т , с оканчивающимися угловатыми арками высокими опорными колоннами из хрома и полированной пластили.

Типичное для архитектурного стиля стратосфера, некогда прекрасное сооружение теперь было

прошито дырами от пуль и в некоторых местах обрушено взрывами снарядов.

Затинированный

новстанцами самолет-буксировщик снес изрядный кусок выходящей на юг стены вместе с

большей частью командного штаба полковника. Времени на ремонт не было, поэтому дыру просто

закрыли листом пластика.

Эта в высшей степени бессмысленная теря безопасости едва ли могла заглушить

доносящийся

снаружи спорадический огонь и
непрерывные взрывы от мин-ловушек и
краденых гранатометов.

Чтобы быть услышанным, сержант
Хеллитану приходилось кричать изо всех
сил.

— Под контролем повстанцев все еще
остаются три лофт-города, сэр — Күтүлон,
этот Нимбарос и

Киррион. Мятежники также разрушили
все небесные мосты, кроме трех главных,
ведущих в те
территории.

— Что насчет наших наземных сил, они
хочут немногого продвинуться? — спросил
Тонхаузер,

натягивая фуражку, сначала козырьком на
залисину у лба. Ему очень хотелось, чтобы
выбивать

повстанцев поручили кому-нибудь другому.

Хеллитан выглядел стирившимся, за
последние недели толстой боец сильно
истощал и стал

бледным как привидение.

-- Наше вторжение в города встретило сильное сопротивление. Повстанцы окопались, и они хорошо организованы.

Хеллимтан остановился, чтобы прочистить горло.

-- По всем городам деятельностью культа было развервано, и окраине тере, девяносто тысяч человек. Они удерживают все фактории с материальными ресурсами и пользуются нашими

запасами. В том числе и бронетехникой. Тонхаузер просмотрел развернутые на вестакеярты города, ища потенциальные направления атаки, которые он мог не заметить. Но видел лишь теснину и огневые тешки, в которые мог угодить авиакорпус.

Хеллимтан с тревогой ждал ответа от Тонхаузера, и толчание заполнила доносящаяся из

командного в о к с а б е з у т н а я болтовня.
Сидевший у квадратного аппарата в углу
мастерской

рядовой Айкер и з о в с е х с и л старался
получить ч и с т ы й с и г н а л , н о после
уничтожения

ретранслирующих вышек на всех каналах
ца р и л а статика. Тонхаузеру н е было
нужды слушать

вокс-доклады, чтобы понимать, что их
дела обстояли плохо.

— Тогда что ты удерживает? — наконец
спросил он, взглянув в уставшие глаза
сержанта.

— Наши безопасные зоны...

Но мастерской глухо прокатился
резонирующий взрыв, оборвав Хеллмана
на полуслове. Сквозь

пластик по направлению к сержанту
принулся поток огня. Из-за сильнейшего
жара снаружи,

пластик начал превращаться в жидкость,
тая вокруг несчастного Хеллмана.

Повалившись на спину, Тонхаузер громко

был убит, но у него достало присутствия духа, чтобы

вытащить боевой пистолет и выстрелить волящему сержанту в голову, прекратив его дальнейшие муки.

Все еще слыша звон в ушах, Тонхаузер увидел бежавшую сквозь проеденную огнем дыру в

пластике фигуру. Это был человек, или, по крайней мере, его взволнованное подобие, одетое в

рванье и бронежилет. Его волосы были грязно обкорнаны. Наполненные ненавистью глаза

заметили Тонхаузера. Но застыть верного стратоса заставил роман существа. Он был зашит толстой черной проволокой, его пробитые насквозь губы и щеки были сизыли от пурпурно-синих вен.

Тонхаузер сначала подумал, что повстанец был безоружен. Затем он заметил зажатую в левой руке

гранату.

— Святой Император...

Тонхаузер выстрелил в лоб.
Завалившись на спину, повстанец разжал
руку, и сильнейший
взрыв разнес его тело на дымящиеся куски
мяса.

Тонхаузера спас от спертия
металлический верстак, но у него было
тако времени, чтобы воздавать
за это молитвы Трону. Сквозь дым и
падающие обломки пробежало еще трое
повстанцев, с такими

же защитными ртами, как и у первого.
Двое были вооружены автомагнами, в то
время как третий нес
грубо спасенный тяжелый стаббер.

Сжавши сю тогненное всполоха,
Тонхаузер упал за тяжелый станок как раз
тогда, как в цех

ворвался свинцовый ливень. С сердитым
ревом он начал уничтожать зал, разрывая
стены,

повреждая оборудование и расстреливая

сидевшего в углу рядового Айкера.

Но ползши и а четвереньках, Тонхаузер
затем сжался в укрытии, выныв пустой
магазин из

пистолета прежде, чем трясущимися
пальцами потянулся за другим.

Ему никак не убить их всех...

Сквозь непрерывный шквал оружейного огня
Тонхаузер сначала услышал недалекий звон
чего-то

металлического, а затем увидел
подкатившуюся к ноге гранату. Инстинкт
самосохранения взял

верх, он дёрнулся к гранате и ударил ее
ногой. Секундой позже на Тонхаузера
пронеслась

неистовая волна жара, грохота и
давления, а в вытянутую ногу впился кусок
осколка.

Полковник закусил губу, чтобы не
закричать.

«Не доставлю этим отбросам такого
удовольствия», — подумал он.

Над его головой стремительно пронеслись

лазерные росчерки, и стрельба резко прекратилась.

-- Полковник, -- несколькими мгновениями позже из-за другой стороны верстака прозвучал настойчивый голос.

-- Я здесь, -- прорычал Тонхаузер и сторчился от боли, увидев торчавший из ноги зашуренный темалл.

Пятеро стратоских бойцов с лазганами наготове обогнули угол станка.

Тонхаузер разглядел нашивки первого солдата.

-- Появились как раз вовремя, сержант Рука, но не полагается ли вам быть с полковником Йонном и 18-ым на границе Кирриона?

Второй рядовой нес портативный бокс. На всех частотах раздавалось дребезжание докладов,

сопровождаемое пульсирующим хором взрывов и приглушенным оружейным огнем со всех

концов Нимбароса.

— Полковник Йонн погиб, сэр. И 18-ый выходил из Кирриона. Город полностью потерян, все наши безопасные зоны под угрозой, — сказал ему Рука. — Мы пришли за вами.

Тонхаузер скривился, когда два других бойца помогли ему подняться на ноги.

— Чем с Куллоном? Он тоже пал? — спросил он, тиновав тело а троих культистов и шатающейся походкой направляясь к запасному выходу из цеха.

Голос сержанта был пустым, незабоченным.

— Мы потеряли их, сэр. Мы отступаем во всем фронтом за пределы городов и дальше по небесным постам к Нилеону.

Как только они вышли из городских улиц, шум доносившейся отовсюду стрельбы резко

усилился. Тонхаузер посмотрел сквозь укрепленный пластик купола города на

грозовое небо. Его

зрение затуманивал дым, скрывая из виду верхнюю атмосферу города. Отступая сержантом

Рукой и его взводом, Тонхаузер осмелился оглянуться через плечо. Массовое отступление было в

самом разгаре. Толпы далеких повстанцев приближались к их позициям, сжимая в руках

разнообразные ружья и самодельное оружие. Их боевые кличи приглушались сишающей губы

проводкой — и этот эффект выводил из себя. Даже не слышая их, Тонхаузер мог сказать, что враг

пошел в краткотабакную атаку.

Прято на их головами просвистела ракета, заставив Тонхаузера и остальных нырнуть. Она

попала в стену где-то в центре, и магнитной подвеске, и образовавшийся взрыв поглотил

орудийную позицию авиакорпуса. Расчет

и 3 троих человек с волями погиб среди кирпичей и огня.

Рука резко стенил направление, уводя Тонхаузера и бойцов по боковому переулку от рушащегося здания.

— Трон, как это произошло? — спросил Тонхаузер, когда Рука забрал их в переулок, чтобы подождать, пока все не закончится. — Ты ведь теснили их, не так ли?

— Нас застали врасплох, — сказал Рука, ныряя обратно в переулок, когда взрывы бомбы осветили дорогу за ним. — Подорвали цепь мин-ловушек, которые нанесли нашим войскам тяжелый урон, а

затем перешли в массированное наземное наступление. Они используют передовую боенную

тактику. При таком состоянии дел нам никогда не отбить город. Ты должны перегруппироваться.

Возможно, тогда нам удастся отбить
Нимбарос и Күтүлөн, но Киррион...

Сержант замолчал, рассказав Тонхаузеру
все, что знал о судьбе столицы.

— Что насчет губернатора Варкоффа?

— Он жив и находится в бункере, в Пилеоне.

Это ближайший из малых небесных
городов, который

все еще остается под нашим контролем.

Сейчас ты туда и направляешься. Он ввел в
действие

официальные протоколы бедствия на всех
астрономических линиях и частотах
далней связи,

запрашивая немедленную помощь.

— Сделай для меня одну вещь, солдат, —
сказал Тонхаузер. Полковник подошел к
концу переулка и

увидел, как едущий в зрыв повалил
столбу первого губернатора Стратоса.

Она была символом

имперского правления и порядка. Объятая
пламенем, она упала на землю и
раскололась.

- Что именно, сэр?

- Стань на колени и молись, - сказал Тонхаузер. - Молись о чертовом чуде...

•••

*

•••

ЗА ПОСЛЕДНИЕ СОРОК лет сон не изменился.

Сначала был о только непередаваемое чувство жары, а затем Дак'ир вновь оказался в горячей

темноте Игнейских пещер Ноктюрна. Всё сне он был все голод и ш тальчиком, и, прикасаясь

детской рукой к стене этого враждебного места, он чувствовал ее шероховатость и остроту.

Минеральные жилки блестели в свечении плавовых бассейнов, питаемых огненной рекой, которая

была кровью горы. Затем Игнэя исчезла, а

вместе с ней исчез свет от огненной реки,
перетекая в
новое видение...

Ног одетыми в сандалии ногами Да́к'ира
протянулось Плато Сингара цвета
ржавчины и утбры,

чутья граница очерчивалась камнями-
тометами. Но Пустыне Костров
кружились клубы золы,
скрывающие в тени охотившихся среди
скал чешуйчатых саурошей. Наверху
раздался гром,

будто Гора Смертельный Пламени была
готова закрыть небеса пламенем и дылом.
Но великая

гора Ноктюрна все еще дремала. Вместе
с этого, Да́к'ир взглянул вверх и увидел
несколько другое

платя - движатели идущего на посадку
огромного корабля.

После приземления на бок судна
открылась рампа, и оттуда вышел
могучий высокий воин,
облаченный в зеленые пластинчатые

госпехи, украшенные символом саламандра
- живущих близ
центра земли благородных существ. К
нему присоединились другие, Дак'ир знал
некоторых из них
- он работал рядом с ними, отстраивая и
собирая камни после Поры Испытаний. И
все же его

сердце дрогнуло от вида этих гигантов.
Ведь он знал, что они пришли за ним...

Картина вновь поменялась, а вместе с нею
поменялся и Дак'ир. Теперь у него были
тантия воина

и орудия войны. Его тело было облачено в
бронированный панцирь, в кулаке сжат
святой болт-

пистолет, ониксовая плоть была ярки
напоминанием о беге сверхчеловеческом
апофеозе. Наг

Дак'иром, подобно серым стражам,
вырисовывались тонолиты из камня и
трактора, улицы были

установлены рядами урн с прахом, а воздух
наполняло резкое зловоние могильного

непла. Это был не

Ноктюрн, но Морибар, и небеса здесь были
окутаны смертью.

Где-то на границе этого серого и ужасного
тира Дак'ир услышал крик, и видение в его
мысленном

взоре исчезло, изменившись на лицо в огне.
Он столько раз видел его, «горящее лицо»,
агонизирующее и обвиняющее, никогда в
действительности не дающее ему покоя.
Оно горело и

горело, и скоро Дак'ир уже горел вместе с
ним, и наполнившие его уши крики стали
его

собственными...

«Мы только хотели вернуть их
обратно...»

...

*

...

ДАКИР РЕЗКО ОТКРЫЛ глаза, выйдя

из боевой медитации. Остро ощущая свое
учащенное дыхание

и высокое кровяное давление, он провел
 успокаивающие разум процедуры, которые
 выучил,

вступив в ряды сверхлюдей, космических
 десантников.

Вместе с спокойствием пришло
 понимание. Так и простоял в полумраке
 кельи единения,

солиторие, одной из многих на борту
 юдарного крейсера «Гнев Вулкана». Она
 была немногим

больше темницы -- небольшая, аскетичная
 и с всех сторон окруженная холодными
 темными

стенами.

Он быстро осознал подробности
 воспоминания.

Несколько недель назад он и получили
 астрономическое послание, которое
 интерпретировал

ротный библиарий Пироил. Саламандры
 направлялись к имперскому тирану Стратосу.

Одна из многих доходных добывающих колоний в долине Пояса Адрона в секторе Редуктус

сегментума Темпестус, Стратос был оченъ цененъ для Империума за океанические минералы и регулярную десятину в виде призывников в Имперскую Гвардию. Спасение Стратоса и освобождение его жителей от наседавших кровожадных рабов было делом первостепенной важности.

За несколько часов до выхода на орбиту, Ко'тан Кагай определил шесть отделений, включая свою

«Адскую Стражу», на роль оперативной группы, которая должна будет высаживаться на Стратос и остановить анархию. Как диктовала Прометеева Вера, все будущие в битву Саламандры должны

были сначала очиститься огнем и пройти длительную медитацию, чтобы сконцентрировать разум

на вере в собственные силы и внутреннем духе.

Никого, кроме Да'ира, не беспокоили подобные приготовления.

Подобное не могло пройти незамечено.

— Твой повелитель? — спросил глубокий зычный голос.

Да'ир посмотрел в направлении, откуда донеслись слова, и увидел закутанную фигуру Цека. Его

жрец-клейтвщик был облачен в зеленые одеяния со знаком ордена — рычащей головы саламандры внутри кольца огня, — вышитым янтарной нитью на груди. Погружебной одеждой в

терцающем свете факела была едва видна полускрытая аугментика.

Палата была небольшой, но в ней было достаточно места для спутников Астармес.

— Готовы ли вы к почетному шрамированию, мой повелитель? — спросил Цек.

Да'ир кивнул, все еще не отойдя от

сновицения. Он увидел, как Цек дотасает прут, раскаленный
добыла в жаровне, на которой босиком
стоял Дак'ир. Астартес едва ли
испытывал боль от объятых
огнем углей. Все, что выдавало его, были
капли пота на лысине и ониково-черном
теле, на

котором не было ничего, кроме
небедренной племенной повязки.

Ритуал был частью учения Прометея
Кулъта, которму упорно следовали все
воины Саламандр.

Когда Цек приложил раскаленный прут к
голой коже Дак'ира, он принял принесенную
им боль.

Его плененные глаза, подобные самым
горячим углам, выразили одобрение.
Сначала Цек выжег

три полосы, а затем разделил их кругом.
Отметины добавились ко многим другим,
сделанным им

и другими жрецами-клейтовщиками на
теле Дак'ира раньше, уже зажившим и

зарубцевавшимся,

явив тем самым живую историю многих
битв Саламандр. Каждая из них означала
выигранное

сражение и поверженного противника.
Каждый воин Саламандр должен был быть
отмечен
почетным шрамом до начала боя и после,
знатенуя победу.

Отметки Дак'ира обивали его ноги, руку,
часть туловища и спины. Они были
затысываться, и с
добавлением каждого нового шрама
становились и лисьи с более
детализированы. На лице же
подобные отметки тоже носить только
вेера и много же с тваками
Саламандра с многовековой
службой.

Цек склонил голову и отступил в тень.
Обетный сервитор поплелся по его следу на
выигнутых
назад металлических конечностях,
согнувшись под тяжестью сплавленной со

спиной огромной

жаровни. Астартес потянулся и погрузил обе руки в железную кальдеру, зачерпывая пепел из

сожженного вещества, скопившегося на краях.

Дак'ир размазал белый пепел по лицу и груди, рисуя Прометеевы символы толома и наковальни.

Это были одни из важнейших изображений в Прометеевых верованиях, которые, как полагали,

придавали выносливость и силу.

— В груди твоей пламя Вулканово бьется...
— нараспев произнес он, делая длинный взмах рукой,

чтобы вытянуть рукоять толома.

— ... Которым сокрушу я врагов Императора, — завершил другой голос, позволяя Дак'иру накрыть верхушку рукояти ладонью, образовывая тем самым навершие толома, прежде чем показаться.

Брат Фигис вошел в свет жаровни,

громко лязгая при движении. Он уже был облачен в зеленые силовые доспехи, и обе эти шлема. Его кроваво-красные глаза ярко пылали в полумраке. Как и подобает костическому десантнику его должности, правое плечо Фугиса было окрашено в непельно-белый цвет апомекарев, хотя на нем в том располагался символ ордена — рычащая платено-оранжевая голова саламандры на угольно-черном поле, — как у остальных боевых братьев третьей роты.

Тонколицый и пугающий, некоторые в роте предполагали, что Фугису скорее было подошла более духовная специальность, нежели искусство исцеления. Но, оказываясь перед апомекарем, никто не отмечался высказывать подобные «предположения» вслух из-за боязни возможного.

Дак'ир отреагировал на внезапное появление апомекария менее чем приветливо.

— Что ты здесь делаешь, брат?

Фугис ответил не сразу. Вместо этого он провел биосчитывателем по телу Дак'ира.

— Капитан Кадай попросил навестить тебя. Анализы лучше проводить до того, как облачишься в доспехи.

Фугис замолчал, ожидая результаты биосканирования, его тонкое, как лезвие, лицо было натянуто подобно проводу.

— Руку, Астартес, — не глядя, добавил он, и указал на конечность Дак'ира.

Дак'ир протянул руку апомекарию, и том, взявшись за запястье, набрал в пробирку немногого крови.

После того, как она была вставлена в миниатюрную центрифугу, камера в его перчатке провела

биохимический анализ.

— Всех твоих братьев подвергли стол

с т р о г и м п р о в е р к а м ? - - сдерживая
раздражение в голосе,

спросил Дак'ир.

Фүгис был явно удовлетворен
результатами серологии, хотя тон его
оставался сухим.

-- Нет, только тебя.

-- Если брат-капитан сомневается в твоей
силе воли, то ему следовало послать сюда
капеллана

Элизия.

Внезапно Фүгис схватил челюсть Дак'ира
в бронированный кулак и тщательно
осмотрел его лицо.

-- Как тебе наверняка известно, Элизий не
наборту «Гнева Вулкана», поэтому
проверить тебя
послали меня.

Указательным пальцем дружой руки
Фүгис оттянул черную кожу под левым
глазом Дак'ира,

заставив щеку окраситься в кроваво-
красный цвет.

-- Ты все еще испытываешь

сомнамбулические видения во время боевых
тестимаций? - спросил он.

Затем, явно удовлетворившись, он
отпустил Дак'ира.

Брат-сержант почесал челюсть в том
месте, где аптечарий сжал ее.

- Если ты имеешь в виду мои сны, тогда
да. Это иногда происходит.

Аптечарий с непроницаемым лицом
взглянул на приборную панель перчатки.

- Что тебе снится?

- Я снова мальчик, и я Ноктюрн в
пещерах Игнели. Я вижу день, когда прошел
испытания на

Плато Сингара и стал Астартес, мое
первое задание неофита...

Голос Саламандры затих, его лицо
помрачнело от воспоминания.

Горящее лицо...

- Ты единственный из нас, единственный из
из Огненорожденных, когда-либо
избрали с

Игнели, - сказал Фугис, сверля Дак'ира
взглядом.

- Какое это имеет значение?

Фугис никак не отреагировал на эти слова и вернулся к анализам.

- Ты сказал, «ты только хотели вернуться обратно». Кого ты имел в виду? — спросил он через

некоторое время.

- Ты был на Морибаре, — произнес Дак'ир и сошел с жаровни в котле. Разгоряченная кожа начала

испускать пар, соприкоснувшись с холодным металлическим полом его кельи судинения. — Ты знаешь.

Фугис оторвался от своих инструментов и данных. Его глаза пятнадцати лет смягчились от сожаления.

Однако они быстро сузились, вновь спрятавшись за холодным безразличием.

Он безрадостно рассмеялся, его губы изогнулись скорее в усмешке, нежели в улыбке.

- Ты готов к бою, брат-сержант, — сказал он. — Высадка на Стратос начнется менее

чел через два

часа. Встретится на палубе сбора шесть.

Затем Фугис механически отдал честь и повернулся спиной к брату Саламандре.

С уходом аптекаря Дак'ир почувствовал облегчение.

— И, брат Дак'ир... Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно, —

сказал Фугис и растворился во тьме.

...

*

...

ПОВЕРХНОСТЬ

СТРАСОСА

КОРЧИЛАСЬ в бесконечных бурях.

Кипящее буйство прочертила молния, и грозовые облака столкнулись в сильных вспышках, и олиши дядя того, чтобы разойтись

несколько километров позже. Сквозь эти эфемерные промежутки в облаках

показывались

крошечные уплотнения отбеленных хлором скал и голой земли, окруженные кружающимся вихрем торя.

Над ярящейся бурей неслись, ревя турбовентиляторными двигателями, гвардии «Громовых Ястреба» —

«Огненная Виверна» и «Копье Прометея». Они направлялись к конгломерации городов в верхней

атмосфере Стратоса. Названные чудо-женцами Стратоса «лофт-городами», эти огромные накрытые

куполами метрополии из хрома и пластика служили домом приблизительно четырем ти ллионам трехстам тысячам человек, связанные между собою серией массивных небесных постов. Из-за

выделяемых океанами концентрированных испарений хлора, стратосцы были вынуждены поднять

свои города с помощью питаемых плаэмой

гравитационных двигателей и а такую высоту, что

каждый нуждался в собственной атмосфере для того, чтобы жители могли там вышатъ.

Дак'ир все еще не мог забыть слов Фугиса, и ему очень хотелось, чтобы царившая внутри отсека

санктуария «Огненной Виверны» суета заглушила его раздумья. Десантный отсек корабля был

практически полон - - гвадцать пять Астартес, удерживаемых в стоячем положении в

гравиподвесах, пока «Гроловой Ястреб» совершил финальный спуск.

Ближайшим к спусковой рампе был брат-капитан Кадай, чей взор горел храбростью и твердой

верой. Он был облачен в стилизованные под ящера доспехи ручной работы, и, как и его

подчиненные, еще не надел шлем. Вместо этого, он прицепил его к поясу в виде

воссозданного в

темноте рычащего огненного дракона. Его коротко остриженные волосы были белыми и

обритыши в полосу, делящую голову пополам. Рядом с ним находилось его командное отделение,

«Адская Стражи»: Н'кель, заместитель Каагая, непоколебимый, с лицом не бессердечный, офицер;

чемпион роты Век'шен, который поверж бесчисленное количество врагов в ожидания ордена,

сжимавший огненную глефу; почетный брат Маликант, несущий в битву знамя роты, и почетный

брать Шен'кар, прижимавший к груди огнемет. Фугис был последним. Заметив

Дак'ира, аптекарий

сдержанно кивнул в его сторону.

В отсеке было темно. Глаза Саламандра пылали красным светом. Соскользнув с Фугиса, взглянув

Дак'ира переместился на другого воина,

от вида которого его взор холодно загорелся.

С другой стороны отсека на него пристально смотрел Цү'ган. Так'ир сжал кулаки.

Цү'ган был воплощением Прометеева идеала. Сильный, стойкий, самоотверженный – он был всем тем, к чему должен был стремиться каждый воин Салатандр. Но глубоко внутри него таилась

частичка высокомерия и превосходства. Он родился в Гесиоде, одном из семи городов-убежищ

Ноктюрна, и вместе основного набора в орден. В отличие от большинства жителей вулканического мира смерти, Цү'ган рос в относительном богатстве. Его семья была из благородного сословия

племенных королей, находившаяся на незначительной вершине богатства и влиятельности ноктюрнийцев. Так'ир был скитающимся

пещерным жителем Игнели и находился в самом низу.

Сам факт того, что он стал Астармес, был беспрецедентным. Ведь так мало кочевых племен когда-либо доходило до священных мест, где посвященные проходили испытания, не говоря уже об

участии и победе в них. Так'ир был во многом уникальным. Для Цү'гана он же был отклонением.

Став Астармес, они оба должны были оставить свое человеческое прошлое, на столетия

укоренившегося предубеждения невозможности было подавить.

«Громовой Ястреб» резко ушел в сторону, направившись на стежную с лофт-городом Нимбаросом зону посадки, и разорвал возникшее напряжение между двумя сержантами. Внешние

пластины брони от внезапного усилия несогласно завибрировали, и внутрь звука донесли лишь как

приглушенный металлический стон.

— Грядет буря? — вопросительно закричал Ба'кен.

Лысый Астартес был тяжеловооруженным воином Да'ира, широкие плечи и толстая шея делали

его идеальным кандидатом для исполнения этой задачи. Ба'кен, как и многие в ордене, был также

одаренным ремесленником и мастером. Высевший у него на спине тяжелый огнемет был

уникальным и тактических отделений — он самостоятельно изготавливал оружие в пылающих

кузнях Ноктюрна.

— Согласно докладам стратосцев, предателей очень много, и они хорошо укрепились. Это будет не...

— Мы — буря, брат, — перекрикивая шум двигателей, вставил Цү'ган, прежде чем Да'ир успел закончить.

— Мы очистим это место огнем и пламенем, — фанатично прорычал он, — и принесем искупление нечистым.

Ба'кен торжественно кивнул другому сержанту, но Да'ир почувствовал, как его кожа заливается

гневной краской от столь явной непочтительности к его званию команда.

Наг нити замигал янтарный предупредительный сигнал, и зазвучал голос брата-капитана Кадая, предотвращая дальнейшую ссору.

— Надеть шлемы, братья!

С согласным лязгом метала об металл, Астармес надели боевые шлемы.

Да'ир и Цү'ган надели свои последними, не желая ни на миг разрывать зрительный контакт.

Мрачно улыбнувшись, Цү'ган в конце концов уступил, и однити губами произнес фразу.

«Очистим нечистых!»

• • •

*

• • •

— ЗА КУМУЛОН НА востоке и Нимбарос на юге все еще ведутся бои, но твои войска с каждым часом

занимают все большую территорию, а также и удалось взять под контроль небесные мосты,

соединяющие мир и города, — объяснял истекающий потом полковник Тонхаузер по

попрекивающей пикт-связи «Лендрейдера Искунителя», в котором находился Кадай. Сами

огромная машина со своим назначением «Огненная Наковальня». — Мы используем их для вывода

выжившего гражданского населения. Хотя за вражескими линиями все еще остаются тысячи

других, в том числе и твои люди.

— Вы сделали здесь рабом у самого Императора, и даю вам клятву Саламандра Вулкана, что если представится возможность спасти этих людей, то я сделаю это, — ответил Кагай, стоя в отсеке

боевой машины, грохочавшей по небесному мосту Кирриона. Вместе с ним в конвое, лязгая гусеницами, двигалось еще четыре «Носорога», транспортирующих оставшуюся часть боевой группы.

Когда Саламандры совершили планетарную высадку за пределами Нимбароса, Кагай приказал брату Аргосу, Магистру Кузни, провести конструктивную оценку подъездного пути к Кирриону.

Используя чертежи зданий стратоских городов, сначала загруженных в когитаторы «Гнева Вулкана», а потом переданных на дисплей

«Огненной Виверны», технодесантники

решил, что

небесные тосты егва ли подходили для посадки кораблей и выгрузки воинов Астартес.

Менее чем двадцать минут спустя, с орбиты спустились три транспортных «Громовых Ястреба»,

отгружившие специализированные транспорты Саламандр.

Кадай держал воинов на посадочной площадке построеными отделениями, готовых к прибытию

транспортов. У них не было времени для разбора тактики с уроженцами Стратоса. Это будет

сделано по пути к Кирриону.

— Быгы толить Императора, что некоторые все еще живы, — продолжил Тонхаузер по пикт-связи,

соединяющей все транспорты Астартес.

— Но, боюсь, Киррион потерян для нас, повелитель Астартес, — добавил он, трясущимися пальцами

закрывая новую сигару. — Там теперь ничего не осталось, кроме сперти и ужаса.

Казалось, будто он избегал смотреть на экран. Во время поездки по небесному пространству Кадай снял шлем, и человеку было явно не по себе от его внешности.

«Войны выигрывались не одной только силой», вспомнил он слова, которые говорил ему старый

Магистр Рекрутов почти триста лет назад, когда Кадаю дали черный панцирь.

— Расскажи мне о враге, — сказал Кадай, и голос ожесточился от одной лишь мысли о подобной туче.

— Они называют себя «Культом Правды», — ответил Тонхаузер, на секунду покраснев и склонившись

от статических помех. — Еще около трех тысяч лет назад они были всего лишь маленькой группкой

недовольных и беспредельных граждан, наловчившихся избегать побоев городских

прокторов. Теперь

их, по крайней мере, пятьдесят тысяч, и
они окопались по всему Кирриону. У них
есть тяжелое

оружие. Большинство военных кузниц,
флотов дирижаблей и кораблей Стратоса
располагается в

столице. Повстанцы носят на теле
отметки, обычно скрытые под одеждой,
имеющие вид

матюровок в форме кричащего рта. А
вот и хрты..., -- сказал он, сделав
судорожный вдох, -- их

рты зашиты проволокой. И ты полагаешь,
что они также отрезали себе языки.

— Почему вы так считаете?

Несмотря на свой страх, Тонхаузер
встретил горящий взгляд капитана.

— Потому что никто не слышал, как они
говорят, -- Тонхаузер побледнел еще
сильнее. -- Сражаться

с врагом, который не кричит, не говорит
вслух приказов. Поэтому, это
неестественно.

-- У этого культа есть лидер? -- спросил
Кадай, в се т с во и т е с т е с т в о м выражая
неприязнь к
подобной терзости.

Тонхаузер крепко затянулся сигарой,
прежде чем потушить ее в пепельнице и
прикурить новую.

-- Нам удалось собрать совсем немного
информации, -- признал он. -- Но, по нашим
предположениям, там есть своего рода
верховный жрец. И, хотя это не
подтверждено, ты считаешь,
что он находится в храмовом районе. Нам
известно лишь то, что отягажники
называют его

Говорящим.

-- Ироничное итчко, -- пробормотал
Кадай. -- Сколько у вас осталось солдат,
полковник?

Тонхаузер облизал губы.

-- Достаточно, чтобы удерживать два
города-спутника. Пока ты говоришь, мои
солдаты отступают
из Кирриона. Я потерял столь многих... --

Сонхаузер тяжело уронил голову. Он
походил на
человека, которой отдал уже все, что у
него было.

— Продолжайте удерживать города,
полковник, — сказал ему Кадай. — Теперь за
Киррион возьмутся

Саламандры. Вы исполнили свой долг
перед Империумом, и да будете вы чтимы
за это.

— Спасибо, мой повелитель.

Никт-связь наполнилась треском
статики, когда Кадай оборвал соединение.

Капитан отвернулся от чистого экрана
и сплюнул, чтобы взглянуть на
находившегося подле него
аптекаря Фугиса.

— Их боевой дух висит на волоске, —
пробормотал он. — Никогда раньше не
видел подобного
отчаяния.

— В таком случае ты вмешалась как раз
вовремя, — Кадай посмотрел через плечо
Фугиса на

остальных членов командного отделения.
Н'келн готовил их к сражению, ведя обряд
Прометеева Культа.

- - Н а наковальне т ы закалены, в воинов
выкованы... - - нараспев говорил он, и
остальные
торжественно повторяли за него. Они
стояли в окруж таленъкой жаровни,
встроенной в пол
десантного отделения. В кotle горели
подношения Вулкану и Императору -
клочки стягов и
измельченные в пыль кости. Один за
другим, «Адская Стража» брала горстки
пепла и тетила ими
госпехи.

- - О н о д е л о партизанская война, но
победить целий гардейский полк...
думаешь, ты
столкнулись здесь с чем-то большим,
нежели просто восстанием культа? -
спросил Фугис, отведя
взгляд от ритуала, очевидно решив
проехести его позже.

Кадай закатил глаза, обдумывая вопрос апомекария.

— Пока не знаю. Но это место что-то терзает. У этого так называемого «Культа Правды» имеется много последователей.

— Он распространяется среди населения подобно чуме, и, предполагаю, корни его скорее

психологические, чем идеологические, — сказал апомекарий.

Кадай никак не отреагировал на намек.

— Я не могу основываться на стратегии напрочь гипотезе, брат. Лишь вторгнувшись в город, ты поймет, с кем имеет дело, — капитан на мгновение замолчал, прежде чем спросить.

— Что с

Дак'иром?

Фүгис понизил голос, чтобы его никто не смог услышать.

— Физически, с нашим братом все в порядке. Но он в сущности встревожен. Воспоминания об его

человеческом прошлом на Ноктюрне и
первом задании...

Кадай нахмурился.

- - Морибар... Да же с пустя четыре
десатилетия он все еще цепляется за нас,
подобно темному
савану.

- - Его память работает... необычно. И
думаю, он все еще чувствует на себе вину
за то, что

случилось с Нигиланом, - предположил
Фугис.

Лицо Кадая еще сильнее потрепало.

- - Не он один чувствует подобное,
пробормотал он.

- - Так же и Ушорак.

- - Вай'тан Ушорак был предателем. Он
заслужил свою судьбу, - - решительно
ответил Кадай,

прежде чем стереть тему. -- Дух Дак'ира
очистится в бою -- таков путь Салатандр.
Если это не

поможет, тогда я передам его в
реклюзион капеллану Элизию для

кондиционирования.

Кадай вновь активировал открытый в окс-канал, тем самым показывая, что разговор был окончен.

Пришло время обратиться к войскам.

•••

*

•••

-- Братья... -- ДАКИР услышал голос капитана на воксү. -- Наше задание простое. Освободить город, защитить горожан и уничтожить еретиков. В Киррионвойд ум три штурмовые группы, которые должны будут сектор за сектором зачистить его и испепелить врагов -- «Молот», «Наковальня» и «Пламя». Сержанты Цү'ган и Дак'ир возглавят «Наковальню» и «Пламя», западные и восточные секторы города

соответственно. Тяжелой поддержкой из
опустошителей

будут отделения «Адского Огня» сержанта
Ульшана ля "Наковални" и
«Испепелителей» Лока

ля «Пламени». Вместе с сержантом
Откаротя поведу «Молот» на север.
Огнеметы будут со

всеми подразделениями. Пусть ничто не
остановит ваш гнев. Для таких битв ты
были рождены.

Во имя Вулкана. Кадай, конец связи.
Эфири вновь заполонила статика. Такир
полностью отключил связь, когда конвой
тедленно

громотал тито заставленных тешками с
песком и обмотанных колючей проволокой
аванпостов.

На постах стояли изможденные солдаты с
запавшими глазами, слишком уставшие
от

многонедельных сражений, чтобы как-либо
реагировать на присутствие Астартес.

— Они сломлены, — нарушил тишину

Ба'кен, взглянув в одну из стопровых
щелей «Носорога».

Дак'ир проследил за пристальными
взглядом своего воина.

— Они не походят на үроженцев Ноктюрна,
Ба'кен. Их не готовили к подобным
трудностям.

Мимо конвоя в противоположном
направлении прошла длинная колонна
стратоского авиакорпуса.

Солдаты с лазганами через плечо
тащились подобно автоматам, некоторые
баюкали раны, другие

при ходьбе опирались на палки. Все они
были в противогазах и коричневых пальто
для защиты от

холодного открытого воздуха. Лишь
города были накрыты куполами, небесные
же мосты стояли

открытые внешней погоде, хотя были
ограждены высокими стенами и подвешены
к грубо

выглядевшим опорным колоннам
толстыми тросами.

В конце разбитой дороги вырисовывались ворота Кирриона. Проход в столицу был гигантским,

весь из простого черного металла, герметически запечатанный для поддержания целостности атмосферы.

— Я успел услышать разговор группы солдат, прежде чем мы проехали мимо них, — при

приближении к воротам заметил Ба'кен.

— По их словам, Киррион был настоящим аном.

Дак'ир проверил энергетический заряд плаズменного пистолета, прежде чем загнать оружие обратно в кобуру.

— Мы родились в аду, Ба'кен... Что нам сделается от крошечного огонька?

Громогласный смех Ба'кена сотрясал «Носорог» весь оставшийся путь к воротам.

•••

*

...

ГЛУБОКИЕ НЕДРА КИРРИОНА
изобиловали монстрами.

Сержант Рука тщался разрушеннныи
улицами, преследователи гнались за ним
по пятам. Его

сердце тяжело колотилось. Главная
энергосистема обрушилась, и теперь город
освещался лишь

неустойчивым светом люстрилами,
питаемых резервными генераторами. С
каждой спорадической

вспышкой, тени, казалось, полнились все
новыми угрозами и врагами. Ему это
никоим образом не
помогало.

Рука был в составе второго удара на
столицу. Штурм полностью провалился.
Укрытыми тенью

коридорами Кирриона кралось нечто еще,
и оно обрушилось на его батальон с

яростным гневом.

Никто не ожидал подобного. Согласно стратегии атаки для его батальона, Рука преднамеренно

следовал окольными путями, обходя основные зоны боев, чтобы пройти северный сектор города.

Согласно всем собранным стратосцати разведданным, сопротивление повстанцев не должно было

быть слабым. Но пятьсот человек были истреблены не мятежниками.

Рука был последним из них, каким-то чудом избежав резни, и отныне культисты напали на его

след. К тому же, их становилось все больше. Его когда-то гордый город лежал в руинах. Ему было

сложно представить себе ещё что-то более трачное. Там, где однажды тянулись авеню, теперь

были лишь кучи щебня. От хромированных площадей остались обугленные ямы, обрывающиеся в

бездонную тьму. Сюда пришел ад.
Другими словами это было невозможно
описать.

Обогнув щедрину, Рука резко
остановился. Он стоял у входа в станцию
трамваев на

магнитной подвеске, на одной стороне
которой располагалась группа
промышленных складов, а

на другой -- высокая стена и надземный
переход. Дорогу перед ним устилали сажи
трамваи, от

которых остались только измазанные
грубыми надписями выжженные остовы. Но
внимание

сержанта привлек туннель. Во траке
что-то стремительно приближалось.

Рука услышал за собою шум толпы. Она
замедлилась. Тогда он и понял, что его все
время

направляли в это место.

Звуки из туннеля стали громче, а орда --
ближе. В поле зрения попали культисты.
Рука насчитал,

по крайней мере, пятьдесят человек, и у каждого из них было зашифровано выпирающими сквозь

стороженное губы синими венами. Они были вооружены кирками, кусками метала и стекла.

Свою гибель Рука представлял себе иначе.

Сержант застрелил одного и уже собирался прицелиться в следующего врага, когда на улицу упал

кусок рокрима. Рука проследил за траекторией его полета обратно к переходу и увидел в

рассеянном свете силуэты троих бронированных гигантов.

Искра спасения, ожившая было в разуме Руки, быстро погасла, когда он понял, что эти существа

пришли сюда не ради него.

Секундой позже грянул гром, и тьму разорвали дыльные вспышки.

Рука понял, что сейчас должно было произойти, и бросился на землю. Смертоносный залп

продолжался всего лишь удар сердца, но этого оказалось достаточно. Культисты были полностью

уничтожены - их разбитые, взорванные тела устилали улицу подобно грубым тучам.

Рука лежал на спине, ошеломленный внезапностью атаки. Не сумев почувствовать ног, он понял, что был ранен. Бок жгло, будто его полоснули ножом. Его форма была влажной, возможно даже от собственной крови. Рядом с лежавшимничком сержантом на землю приземлилось нечто огромное и массивное, и от встряски в его теле всплыли новые кинжалы боли. Затем последовало еще

несколько толчков, тяжелые и быстрые, подобные ударам миномета.

В глазах потемнело, но сержанту удалось повернуть голову,... Его залитые кровью глаза

расширились. На земле в согбенной позе

стоял ужасающий великан в окровавленных
доспехах, из

его шлема в форме ревущего дракона
вились два алых рога. Он встал на ноги,
подобно

вылезающему из недр первобытному зверю,
явив тиры обмотанную багровой чешуей
огромную

пластину нагрудника. Бронированная
фигура, казалось, источала жар, будто ее
недавно выковали

из самой тантии вулкана.

— Хранилище, где оно? — спросил гигант-
дракон, и сквозь ротовую решетку в шлеме
заструились

тлеющие угольки, будто он высыпал пепел
и золу.

— Близко... — ответил другой. Его голос
походил на хрустящий пергамент, но с
оттенком силы.

Рука понял, что последующие толчки
означали приземление компаний
огромного воина.

— Мы не одни, — сказал третий, чей голос

бы лглубоким хрипилы подобно
попрекивающей
тамте.

— Саламандры, — с очевидным сарказмом
произнес драконий гигант.

— Тогда нам лучше поторопиться, —
ответил второй голос. — Я не хочу их
пустить.

Рука услышал тяжелые шаги и
почувствовал на себе зловещий взгляд
одного из бронированных
великанов.

— Этот еще жив, — пролаял он.

Взгляд Руки почти погас, но сержант все
еще чувствовал исходящий от госпехов
запах теди,

стешанный с резкой кислотным зловонием
оружейного дыма.

— Никого не оставляй в живых, — сказал
второй голос. — Убей его быстро. У нас нет
времени для

развлечений, Рамлек.

— Жаль...

Рука пытался говорить.

— Испе...

Затем его тир утонул в огне.

• • •

*

• • •

ТЁМНЫЕ   ЖЕЛЕЗНЫЕ   ВОРОТА
Кирриона   открылись   с медленной
неизбежностью.

Бронетанковый конвой Астартес
прогрохомал сквозь них ожидающий
сумрак. Спустя пару
мгновений ворота захлопнулись за ними.
На стенах замерцали галогенные полосы,
осветив
огромный тематический зал,
достаточно широкий для того, чтобы их
транспорты смогли
проехать в ряд.

У стен стояли брошенные стратоские
ташины,   оттянутые   туга

очистительными командами. Вокруг оставлена боевых машин пехоты было разбросано различное оборудование. Здесь можно было

найти все -- снаряжение, осветительную аппаратуру и другое вспомогательные комплекты. Не

было только оружия -- человеческие защитники нуждались в каждой винтовке.

Герметическая закрытая ради сохранения целостности атмосферы, зона ожидания имела еще одни

ворота на противоположной стороне, которые вели в салон Киррион. Они открылись с шипением

стравливаемого воздуха, когда Саламандры доехали до середины обширного коридора.

Предметы погруженного во тьму города притягивали.

Пустынные авеню кровавыми тропами уводили в темноту, дома лежали в руинах подобно

открытым ранам. Огонь опалал стены, а

кровь отыграла улицы. Отчаяние висело в воздухе

подобно осаждаемой духом. В Киррионе пришла смерть, и она крепко держала его в костяной хватке.

Среди улью, Киррион в наиболее плотно заселенных районах состоял из сотовидных уровней.

Эти конурбации-плато из хрома и лазурита соединялись гравитационными лифтами.

В других

местах под уровни шли вниз, ведя к перевернутым ширинам лягушеческого обслуживания или

общирные тюнинговые грузовыты площацкам. Крышу устилала движущаяся масса плотного

дылового покрова. Сквозь прорехи в серо-черном стоге виднелись несущиеся облака, и вспышки

толний атмосферной бури снаружи купола.

В тактическом плане город представлял

свою кошмарный лабиринт и 3 скрытых
ловушек,
искусственных теснин и 3 зон поражения. На
шоссе были разбросаны противотанковые
ёжи.

Каждую дорогу обвивали тонки колючей
проволоки. Груды щебня и обломков
создавали штучные

стены и непроходимые препятствия.

Саламандры достигли площади Аерона,
одной из общих площадей Кирриона, когда
забитые

обломками и опутанные проволокой улицы
оказались окончательно непроходимы для

транспортов.

Это должно было стать одной из многих
задержек.

- - Саламандры, высаживаемся, - - строго
сказал Кагай по воксу. -- Тремя группами,
исследуем

квадрант за квадрантом. Транспорты
остаются здесь. Дальше ты пойдешь
пешком.

...

*

...

-- НИЧЕГО, -- ГОЛОС БА'КЕНА в боевом
шлеме казался резким, металлическим.
Он стоял лицом к
дверному проему одного из туннципальных
храмов Кирриона. Его зёв был подобен
голодной
утробе, тени внутри казались
наполненными угрозой.

Стоявший за ним Дак'ир решительно
отдал приказ.

-- Сжечь.

Ба'кен поднял тяжелый огнемет и открыл
комнату жидким пролетием. Внезапный
взрыв
зажигательного вещества вспышкой
осветил широкий коридор, давая намек на
то, что
пространство внутри было куда больше,

прежде чем оставить на стенах тлеющие
угольки.

-- Чисто, -- крикнул он, тяжело отойдя в
сторону, позволяя сержанту и боецам
братьям пройти
тимо.

Сержант Лок и его опустошители
находились в арьергарде и с занятых
позиций прикрывали вход,
пока Ба'кен вместе с остальными бойцами
тактического отделения не прошли
внутрь.

Дак'ир вошел стремительно, отделение
рассредоточилось за и твердым для
прикрытия
поменциальных направлений атаки.

Они передвигались по городу уже почти
час, миновав по пути три наполненных
руинами жилых
района, и до сих пор не встретили ни
друзей, ни врагов. Но устройствам связи в
шлемах Астартес

приходили регулярные донесения о том,
что в двух других штурмовых групп делат

обстояли так

же.

Киррион был терпъ.

Кругом виднелись признаки быстрого бегства - в выбитых окнах квартир виднелся терцающий

свет люмисфер, в общественных столовых сонофоны играли гранулярные мелодии,

и зкообороны двигатели бездействующих гравитобильт и внутреннее освещение повсеместно

остановившихся таг-трамваев. Жизнь завершилась здесь резко и яростно.

Многочисленные шоссе и обычные дороги были перекрыты ятами или щебнем. По словам брата

Аргоса, туннциапальныи храм был наиболее оптимальным путем для проникновения вглубь

восточного сектора. Он также предположил, что именно здесь, скорее всего, будут собираться

уцелевшие люди. Технодесантник остался в Нимбаросе вместе с полковником

Сонхаузером,
направляя три штурмовые группы по
гололитическим схемам, корректируя
изображение, получая

доклады от Саламандр о перекрытых или
обвалившихся улицах и снесенных зданиях.

— Брат Аргос, «Памя» на связи. Ты
достигли туннельного храма, и теперь
нам нужна схема

прохода через него, — сказал Дак'ир. Даже
сквозь силовые доспехи он чувствовал
приятный гул

плазменных двигателей, поддерживавших
массивный город в воздухе, и напоминавший
о

природе их поля боя.

Отогнав такие мысли, он обвел
прикрепленным к боевому шлему
осветителем обширный холл. В
его ярком свете он увидел ромбовидный
зал со стеллажами стоеч на обеих боковых
стенах. Наг

головой, зернистый и очажками
разливавшимся по стеклянному куполу,

городские лютилампы

освещали землю. Вспышки толний в высокой атмосфере Стратоса лиша усиливали их.

Подожженные огнеметом Ба'кена обрывки пергамента и писчей бумаги бесшумно носились по

отполированному полу и листы кружились подобно светлячкам на невидимом ветру.

Еще большие

бумажек судорожно тремели на поддерживавшихся с ветром крышах столбах — одни были

прикреплены обетным воском, другие — наскоро приколочены гвоздями и кольями. Сообщения,

несомненно, были оставлены здесь горюющими семьями, давно утратившими всякую надежду.

— Это извещения о смерти, толкты за пропавшими, — провозгласил брат Эмек, придерживая

дулом болтера одну из таких бумагек, чтобы прочитать ее.

- Здесь еще, - добавил брат Зо'тан. Он повел фонарем вверх на хромированную лестницу в задней

части комнаты, осветив одетые в костюмы лакеи коридоры администрастраторов, запутавшиеся в балюстраде. Изорванные свитки были прицеплены к перилам и собирались на драпами на

ступенях подобно бутафорскому савану.

-- Их должно быть тысячи... -- произнес
Вошедший в вестибюль сержант Лок. Суровый ветеран

выглядел еще трачнее обычного, бионическим глазом оспатривая доклады о погибших.

-- Двигайтесь к северному концу коридора, -- вернулся потрескивающий о т помех голос

технодесантника. -- Лестница ведет на второй уровень. Продолжайте идти на север через

следующий зал, затем на восток по галерее до тех пор, как не увидите ворота.

Там ваш выход.

Дак'ир включил устройство связи. Внезапно наступившей тишине он услышал громко

гудевшие в опоясывающей город барьерной стене атмосферные процессы, которые очищались,

рециркулировались и регулировались. Он уже собрался отдать приказ выдвигаться, как звук резко

изменился. Трясти начало сильнее, так, будто обрабатывающий двигатель перешел на более

быстрый темп.

Дак'ир вновь включил устройство связи в боевом шлеме.

— Цыган, ты не заметил никаких различий в атмосферных процессорах в своем секторе?

Канал на тридцать секунд заполонил треск статики, прежде чем сержант не ответил.

— Ничего. Будь будительным, игнориц. У меня нет желания вытягивать твоё

отделение из проблем,
когда ты расслабишься.

Цүгэн отключил устройство.

Дак'ир выругался на выдохе

-- Выдвигаемся, -- приказал он. Он
надеялся, что они скоро найдут врага.

• • •

*

• • •

-- Этому никогдани не стоило доверять
командование, -- пробормотал Цүгэн
своему заместителю,

Ягону.

-- У нашего брата-капитана, должно быть,
были и такие причины, -- ответил он как
всегда

неискренним, но осторожно-нейтральным
тоном.

Ягон постоянно находился возле сержанта,
готовый дать совет. Его телосложение
было хлипким

и о сравнении с большинством своих
братьев, и о он восполнял нехватку веса
коварством и

хитростью. Ягон стремился к власти, и
сейчас это был Цү'ган, восходящая звезда
капитана Кадая.

Также он нес аспект отеления, наблюдая
за необычными скачками активности,
которые могли

означать засаду. Ягон находился всего в
двух шагах сержантом, пока они
крадлись по теням
гидропонной фермы.

На обширном куполообразном залу
тянулись облаченные в хромированные
цистерны

крошечные резервуары с питательными
растворами. Установленные плотными
рядами

химические контейнеры были переполнены
различной съедобной растительностью и
другой

флорой. Листва в большом бельведере из
хрома и стекла слишком сильно выросла,

напоминая

теперь скорее искусственные джунгли, че ти и перское предприятие под обеспечению питания жителей всего сектора.

— Тогда за этим стоит его глупость, — ответил Цыган, и внезапно жестом приказал остановиться.

Он пригнулся, вглядываясь в древесный тракт переди. Отделение, отличное обученное своим сержантом, заняло наблюдательные позиции.

— Огнемет, — прорычал он в устройство связи.

Брат Гонорий выдвинулся вперед, запальник на его оружии тихо горел. Саламандры увидели вспышку голубого пламени всего лишь на мгновение, будто оно вступило в реакцию с чем-то в

воздухе. Хлопнув по дылү, Гонорий пробормотал литанию дыху машины, и все вернулось в норму.

- По вашему приказу, сержант.

Цүгэн поднял руку.

- Ногоди секунду.

Ягон опустил болтер, сверяясь с аукционом.

- На показателях нет признаков жизни.

Лицо Цүгэна замерло в гримасе.

- Очищай и сжигай.

- Мы уничтожим продовольствие для всего городского сектора, - сказал Ягон.

- - Поверь мне, Ягон, страстосцам ужелничет не помочь. Я все же рискну. Давай, - сказал он,

оборачиваясь к Гонорию, - очищай и сжигай.

Рев огнемета заполнил гидропонный купол, сжигая до пепла еду жителей Кирриона.

...

*

— ОНИ ЗАПУАНИЗАЮТ НАС, — сказал сержант-ветеран Н'келн по устройству связи. Он шел впереди,

водя болтером туда-сюда в поисках врага.

— Знаю, — согласился Кадай, склонный доверять своим и Н'келна воинским инстинктам. Капитан держал инферно-пистолет у бедра, в другой руке тихо потрескивал громовой молот.

— Будьте начеку, — прошипел он по боевому шлему своему отделению, осторожно продвигавшемуся с болтерами наготове. Открывающийся вокруг них город был висок и тихий и нынешним, пока Саламандры медленно шли по узкой дорожке, забитой обломками и трупами стратосцев — «остатками» батальонов, о

которых упоминал Тонхаузер. Несчастные человеческие солдаты возвели обложенные тешками с

песком укрепления и баррикады. Жилые

дома были превращены в бункеры, из окон
которых

теперь подобно тряпкам одиноко свисали
тела. Защитные сооружения не спасли их.

Стратоскую

пехоту разбили наголову.

Нахмурившись, Фугис склонился над
останками взорванного лейтенанта.

Обширная физическая травма, —
пробормотал аптечарий, когда к нему
приблизился капитан

Кадай.

По словам полковника Тонхаузера, ю
культистов есть тяжелое оружие, —
предположил ставший
рядом с ним Н'келн.

Фугис продолжил осматривать труп.

Грудная клетка полностью
выпотрошена, находящиеся в ней органы
практически превращены в
кашу.

Подняв взгляд на товарищего Салатандра,
его красные глаза вспыхнули за линзами
шлема.

- Это болтерное ранение.

Кадай собирался что-то сказать, когда спереди их позвал брат Шен'кар.

- Движение!

...

*

...

- СНИЗЬ ПОДАЧУ, - - предупредил
Дак'ир, поднимаясь по лестнице вестибюля
к огромной

хромированной арке, за которой начинался
второй уровень түннципального храма.

Запальник на тяжелом огнемете Ба'кенса
неистово плевался искрами и терцал, пока
Астартес не

уменишил уровень подачи топлива по
шлангу.

- Проблема?

- Нет, сержант, - ответил он.

Дак'ир вместе с боевыми братьями по обеим
сторонам от него продолжили подъем, в то

время как

опустошили в с е е щ е находились в
вестибюле, готовые выдвинуться вперед в
случае

необходимости. Поднявшись, он увидел еще
один длинный зал, как и описывал брат
Аргос.

К о т н а т а б ы л а наполнена
неиспользованными когитаторами и прочей
техникой. Обводя

пристальным взглядом всю эту рухлядь,
Дак'ир резко замер.

В центре зала, окруженный телами
рабочих Администратума, был мальчик.
Ребенок, не больше

восьми лет от роду, был босым и одет в
лохмотья. Грязь и запекшаяся кровь
покрывала его тело

подобно второй коже. Мальчик смотрел
прямо на Дак'ира.

— Не двигайтесь, — прошептал он боевым
братьям по устройству связи. — У нас тут
выживший.

— Милость Вулкана, — выдохнул стоявший

возле него Бакен.

— Не подходи, — предупредил Дак'ир, делая шаг вперед.

Мальчик вздрогнул, но не убежал. По его лицу потекли слезы, оставляя на грязных бледные дорожки.

Дак'ир украдкой оглянулся в поисках потенциальных опасностей, прежде чем убедиться, что путь

был чист. Вернувшись в кобуру плащменный пистолет и вложив в ножны цепной теч, он показал

бронированные ладони мальчику.

— Тебе нечего бояться... — начал он и медленно снял боевой шлем. Дак'ир запоздало понял свою ошибку.

Ребенок не был уроженцем Ноктюрна. Единственный взгляд на ониксово-черную кожу вкупе с

горящими глазами Саламандры заставил мальчика забыть и что есть точи броситься прочь из

зала.

— Проклятье, — прошипел Да'к'ир, натягивая обратно боевой шлем и доставая оружие.

— Сержант Лок, твое отделение берет под контроль комнату и ждет нашего возвращения, —

приказал он по устройству связи. — Остальные братья с оной — здесь могут быть выжившие, и

мальчик приведет нас к ним.

Саламандры начали погоню, пока опустошители поднимались вслед за ними.

Да'к'ир вместе с

отделением пересек половину зала, когда почувствовал на голове слабое натяжение

проволоки. Он обернулся, собираясь выкрикнуть предупреждение, когда вся комната взорвалась.

...

*

— ТУПИК, — ЗАЯВИЛ БРАТ Гонорий, стоя возле кучи нагроможденных гравитомобилей и таг-трамваев.

Цү'ган вместе с «Наковальней» покинули догорающие руины гидропонной фермы и двинулись в

город. Направляемые братом Аргосом, онишли и бесчисленными авеню городского лабиринта,

пока не достигли узкого прохода, созданного высокими жилыми блоками и нависающими

башнями-уровнями. Пройдя сотню метров и обогнув поворот, они обнаружили, что дальнейший

путь был перекрыт.

— Мы прожжем себе дорогу, — сказал Цү'ган, собрав приказателей опустошителем сержанта

Ул'шана выйти вперед.

— Мутышисты должны бы вскоре...

— Подожди... — сказал Цү'ган, оставившая взбывавшиеся над ними высотные здания.

- Быстро

назад, ты найдем другой путь.

Н а противоположном конце дорожки в поле зрения возникла огромная погрузочная машина,

отрезав путь к отступлению. Сначала медленно, а потом все сильнее разгоняясь, она загрохотала

колесами, двигаясь по направлению к Саламандрам.

- Мультимелты! Уничтожить ее!

Сержант Ул'шан развернул отделение навстречу атакующей машине, и в то же время из укрытий в

верхних квартирах появились тяжеловооруженные расчеты культистов, отчего аллея наполнилась орудийным огнем.

...

*

...

- БУДЬТЕ НАЧЕКУ, - прошипел

капитан Кагай.

«Адская Страж»,
опустошителями
расpreadоточились
выжидаательных

вместе с
Откара

позициях. Опасность была везде - в
каждом окне, в каждом алькове или
темном угле мог засесть
враг.

Кагай перевел взгляд обратно на Фугиса,
который, пригнув голову, торопился к
отдаленной

огневой позиции. Страстоский солдат
лежал у обложенной тешками с писком
стены, живой, но

едва и способный двигаться. Кагай
наблюдал за тем, как он уже третий раз
бессильно ударил

рукой оземь, подавая сигнал о помощи.

Что-то в этом казалось неправильным.

Движения солдата казались слабыши, но
будто бы не по его воле.

Внезапно его начала одолевать тревога, и

Кадай понял, что это была западня.

— Фүгис, стоять! — закричал он в устройство связи.

— Я почти там, капитан...

— Аптекарий, подчиняйся моим при...

Взметнувшись из позиции и ревущий огненный шар оборвал Кадая на полуслове. Фүгиса

отбросило ударной волной, тела терпящих страдосцев взлетели вместе с ним подобно сломанным

куклам. Дорогу разорвала цепочка взрывов, разламывая рокрит, и целый ее участок развалился на

части и обрушился, создавая огромную пропасть.

Кадай, сбитый с ног мощным взрывом, все еще пытался подняться на ноги и избавиться от чувства

дезориентации, когда увидел лежавшего на животе Фүгиса с потемневшими от огня доспехами,

который цеплялся за край созданного взрывом кратера. Кадай закричал, когда

апотекарий потерял

хватку и скользнул в зияющую черную
бездну подбрюшья Кирриона, исчезая из
вида.

Из скрытых траком городских переулков в
ночь потекли культисты, и началась
стрельба...

...

*

...

КОГДА ДАКИРОТОШЁЛО
последствий взрыва, то увидел бежавших
сквозь оседавшую пыль и
дымя фигуры.

Прято над ним возник один из повстанцев.
Его рот был зашит черной проволокой, на
щеках

вздулись голубые вены. С наполненным
рвением глазами культист опустил кирку
на доспехи

костического десантника. От удара

крошечное оружие разлетелось на части.

-- Саламандры, -- взревел Да'ир, собирая
отделение, и разнесли цо культистов
бронированным

кулаком. Он поднял цепной теч,
вылетевший из руки при взрыве, и
выпотрошил еще троих

повстанцев, бросившихся на него с
дубинками и ножами. Потянувшись к
пластиковому пистолету,

онрезко остановился. Атмосферные
показатели в его боевом шлеме указывали
на высокую

концентрацию водорода; воздух внутри
купола был перенасыщен им.

Стоявший слева от Да'ира Бакен
поднимал тяжелый огнемет, собираясь
испепелить

выплеснувшуюся в зал огромную волну
культистов...

-- Ного...

-- Очищай и сжигай!

Как только зажигательная смесь попала в
воздух, оружие взорвалось. Бакен

захлестнуло белым

огнем и отбросило сквозь рокритовую
стену в соседний зал, где он и остался
лежать, не подавая
признаков жизни.

-- Брат пал! -- проорал Дак'ир, брат Эмека
открыл и з болтера огонь на подавление,
идя вперед и
уничижая культистов подобно тешкам с
мясом.

Еще больше повстанцев продолжало
вливаться в тюрьму неослабевающим
потоком, по-видимому,
совершенно не опасаясь бури болтерных
снарядов. Кайла и ножи уступили место
тяжелым
стабберам и автопушкам, и Дак'ир понял,
чем на самом деле была первая волна --
живым щитом. С

другого боку от сержанта возник еще один
Саламандра -- брат Ак'ир. Он готовил
огнемет, когда

Дак'ир прокричал в устройство связи.

-- Уберите в се огнеметы и тельцы...

Воздух наполнен газообразной водородной
стесью. Только

болтеры и вспомогательное оружие.

Саламандры тут же повиновались.

Култысты двигались теперь плотной
толпой, пали и з ручного оружия, пока
готовилось тяжелое

оружие. Дак'ир снес голову одному из
повстанцев и ударил кулаком в грудь
другого.

— Сдерживайте их, — отрывисто сказал он,
вытягивая окровавленный кулак.

Ак'сор достал болт-пистолет. Но его
доспехам забарабанили пули, когда он в
яности уничтожил

толпу култыстов с автоганами.
Тяжелые орудия открыли огонь, наполнив
комнату

приглушенными звуками выстрелов, и
Ак'сор пошатнулся, когда в него попало
несколько

снарядов. Откуда-то из толпы
просвистела реактивная граната, и
Ак'сора накрыло

разлетающимися осколками. Когда дым рассеялся, Саламандра лежал на полу.

— Всем Саламандрам, отходите в
вестибюль, — закричал Дак'ир, от его
доспехов срикошетила пулья,
когда он зарубил очередного попавшего в
пределы его доспехом культиста.

Астартес тут же начали отступление,
два брата ушли вперед, чтобы вынести из
боя Ба'кена и

Ак'сора. Когда отделение Дак'ира
достигло ступеней и начало спускаться, на
их место встал

сержант Лок. И з-за взрывоопасного
водородного газа, у «Испепелителей»
оставался всего один

тяжелый болтер, из которого они начали
обстреливать дверной проем, глиняными
очередями

разрывая культистов на части.

Это была небольшая отсрочка, ведь враг
использовал свое преимущество
психопаты с защитами
ртами кучами бросались под яростный

огонь. Братья Ионне использовали ленточный питательного своего тяжелого болтера не жалея, братья Саламандры добавили к заградительному огню

собственное оружие, но культисты продолжали напирать. Они шли подобно автоматам, без криков

и паники, судьбы их разорванных братьев не давали им возможности остановиться, не говоря уж о бегстве.

— Их не сломить! — крикнул Лок, размахивая повстанца силовым кулаком, одновременно стреляя из болтера. Цепная пила врезалась в его руку казалось бы из ниоткуда, и он скривился, выронив из

обессилевших пальцев оружие. Сквозь толпу с огромными гвоздичными цепными мечами

гвяли съ красноглазые жрецы свежевальщики. Таким ударом проломил череп фанатику, но

понял, что их медленно окружают.

— Назад к входу, — закричал он, подняв
унавший болтер Лока и расстреляв все,
что находилось

слева о т се бя. Убийые и та же не
закричали. Саламандры тщательно
отступали шаг за шагом.

Теперь враги выпускали настоящий град
пуль, их количество казалось бесконечным,
и в то же

время они прибывали со всех направлений.

В устройстве связи царил хаос. От
«Наковальни» и «Молота» приходили
отрывистые доклады,

искаженные статическими помехами.

— Большие потери... подходит вражеская
бронетехника... их тысячи... брат пал!

— Капитан Кадай... — проорал Дак'ир в бокс.

— Брат-капитан, «Платя» и а связи.
Пожалуйста,
ответьте.

Минуту спустя, к нему вернулся плохой
слышавший голос Кадая.

— Кадай... связи... отступать...

перегруппировку... площади Аереона...

- Капитан, у двух твоих братьев тяжелые ранения, они нуждаются в медицинской помощи.

Прошло еще тридцать секунд, прежде чем пришел запинающийся ответ.

- Апомекарий... погиб... Повторяю... Фугис пропал...

Пропал. Не ранен и убит, просто пропал. Так'ир почувствовал, как в груди вспыхивает шар

горячей боли. Стоическая решительность перевесила гнев, и он отдал приказ с боем отступать к

площади Аереона, а затем по устройству связи связался с Цү'ганом.

...

*

...

-- КРОВЬ ВУЛКАНА! Я не отступлю перед этим отребьем, -- прорычал Цү'ган

Ягонү. – Скажи

и гнейци, что я не получал подобных приказов.

«Наковальня», под стальной
командованием Цү'гана, вырвалась из
засады без потерь, хотя брат

Гонорий сильно прихрамывал, а сердце
Ул'шан потерял глаз, когда взорвались
бочки с

зажигательной смесью, загруженные на
борту погрузочной машины.

Без помощ и тут и тут, Цү'ганы
пришлось с атом прорываться сквозь
обломки транспорта,

выйти в ая и з комби-бомбардировщиками
находившихся по той стороне культистов.
Они отступали к
защищенным позициям на широкой улице,
когда пришло сообщение Дак'ира.

В какой-то момент боя Цү'гану повредили
боевой шлем, и ему пришлось сорвать его с
себя. С тех

пор по части связи с другими
штурмовыми группами он полагался на

Ягона.

— Ты Саламандры, рожденные в огне, —
фанатично орал он, — наковальня, с
которую разобьются

наши враги. Ты не сдашись. Никогда!

Ягон покорно передал отказ сержанта
повиноваться.

По улице, грохоча гусеницами, к ним
двигалось что-то громкое и тяжелое.

Цыган на мгновение

сбился с шага, когда в поле зрения возник
танк,ущийся бронированными
пластинами и

измазанный символом «Кулъта Правды» —
развернувшись у тюбами. Развернув
приплюснутую

металлическую башню, танк выстрелил
из основного орудия, выпустив из дула дым
и

откатившись на гусеницах.

Цыган выстроил боинов в оборонительный
боевой опорядок, обстреливая
надвигающиеся орды

культистов короткими болтерами

очередями. Танковый снаряд влетел со всей силой удара

толни, разрывая неплотный строй. Саламандры разлетелись в стороны вперемешку с выбитыми из дороги кусками рокрита, и рухнули подобно обломкам.

— Соткнутъ ряды. Держать позиции, — проревел Цү'ган, пригнувшись за частично разрушенней

баррикадой, которую когда-то занимал авиакорпус Стратоса.

Ягон спихнул одно из тел, так, чтобы оно с толчукомстановилось обратно на импровизированном стрелковом выступе.

— Капитан пока не отвечает, — сказал он в перерыве между взрывами.

Цү'ган отреагировал на вести без эмоций, его лицо превратилось в безрадостную маску.

— Ул'шан, — явкинул он сержанту опустошителей, — сконцентрировать весь огонь на танке. Во имя

Вулкана, уничтожь его.

Болтерные снаряды врезались в неутомимо наступающую машину, которая готовилась к еще

одному выстрелу из основного орудия. Сидевший в башне сумасшедший культист схватил

тяжелый стаббер и начал поливать Саламандр глиняными очередями.

— Остальные, — крикнул Цыган, поднимаясь и что-то отцепляя с пояса, — гранаты.

Верхний бортик осколок натянул противотанковую гранату. Брошенная из всех сил, она быстро

взмыла в воздух и упала на пути у танка.

Занеёй последовало несколько других, клацавших о

землю подобно металлическому дождю.

В то же время, Ягон расстрелял культиста в стабберном гнезде, пока воины с тяжелыми болтерами

под командованием сержанта Ул'шана обстреливали лобовую броню и гусеницы танка. Один из

разрывных снарядов зацепил упавшую гранату, когда она ехала бронированная машина.

Цепная реакция взрывов гранат разорвала танк, и зажигательные снаряды снесли ему крышу.

— Слава Прометею! — взревел Цүгэн, вздев кулак вверх, и воины хором повторили за ним.

Его радость отрачилась, когда он увидел движущиеся сквозь дыти падающие обломки тени. В

поле зрения выкатилось еще три танка.

Цүгэн в неверии затряс головой.

— Пилосердие Вулкана... — выдохнул он, когда восстановился канал связи с капитаном Кадаем.

Сержант посмотрел на Ягона твердым железнym взглядом.

— Они отступают на площадь Ареона.

Дак'ир был прав. Челюсти Цүгэна сжались.

...

*

...

— ДЕРЖАТЬ СТРОЙ! — проревел
Кадай в устройство связи. — Здесь наша
последняя линия обороны.

Саламандры с тоской удерживали
позиции, выстроившись за искореженными
укреплениями и
стреляя выверенными очередями. Позади
них стояли бронированные транспорты. На
штурмовых

«Носорогов» содрогались штурм-бомбарды, а
спаренная штурмовая пушка «Огненной
Наковальни»

с овистом поливала противника огнем,
тогда как боковые спонсоны «Лэндрейдера»
с

огнеметами пушками «Огненная буря»
бездействовали.

Саламандры быстро собрались на площади
Ареона, отступление с боем трех
штурмовых групп

проходило с тенящими предосторожностями, чем их начальная атака.

Пометневший о том огня плиточный пол площади был покрыт воронками от взрывов. Рухнувшие колонны с соседних домов устилали весь ее периметр. В центре широкой площади, окружённой поврежденной стеной периметра, доминировала поваленная статуя одного из имперских лидеров Стратоса. Кадай и его воины решили обороняться именно здесь.

Культисты вели или толпами, невзирая на ураганный огонь, выходя из каждой арки и алькова подобно адским туравьям. Сотни их погибли всего за пару минут. Но, несмотря на ужасающие потери, они не испугались и медленно продвигались по огневому тешку. Трупы кучами скапливались на краю площади.

Никто не должен пройти,
Огненорожденные! -- орал Кадай, яростный
фанатизм Вулкана, его
прапородителя, наполнял капитана
праведного целеустремленностью.
«Терпеть» было одним из
главнейших принципов Прометеева
Культа, «терпеть и завоевывать».
Ураганы пуль пересекались
на все большие сокращавшейся дистанции,
когда тысячи культистов поливали
интенсивным огнем
оборонительные позиции Салатандра.
Куски стены периметра, втесанные
массивными секциями
упавшей статуи, были разнесены на куски
в круговороте битвы.
Брат Зо'тан получил пулю в правый
наплечник, затем еще одну в шею, и с
кряхтением рухнул на
колени. Так'ир двинулся, чтобы прикрыть
его, отчего госпехи согрозднулись, и он
начал падать из
одолженного болтера. Тела повстанцев

у н и ч т о ж а л и с ь в

яростном

заградительном огне,

разлетались на куски разрывными
снарядами, четвертовались залпами
тяжелых болтеров,

кромсались опустошительным ливнем
пуль из раскаленных штурмовых пушек.

И все же культисты продолжали идти.

Скрежеща зубами, Дак'ир проревел.

— Не отступать!

Медленно, неизбежно, орда начала редеть.
Кагаин приказал остановить
продолжительный

заградительный огонь. Подобно дымящему
рассевающемуся от потушенного костра,
культисты

толчаливо отступали во трак, пока
совсем не исчезли из виду.

На сей раз упорство Саламандр смогло
сдержать врага. Площадь Аереона
осталась в их руках.

— Они сдаются? — спросил Дак'ир, делая
глубокие вдохи, чтобы выйти из
сверхобостренного

боевого состояния.

— Они ползут обратно в свои гнезда, — прорычал Кадай. Его челюсть сжалась в бессильном гневе. —

Город их... пока.

Выйдя из-за обронителного порядка, Кадай быстро выставил часовых для слежения за

подходами к площади, одновременно связываясь с технодесантником Аргосом, чтобы вызвать

подкрепление с «Гнева Вулкана», а также — «Громовой Ястреб» для транспортировки погибших и

раненых. Потери были намного больше, чем он ожидал. Четырнадцать раненых и шесть

погибших. Наиболее остро ощущалась потеря Фугиса.

Саламандры были малочисленным орденом, их практически полное уничтожение во время одного из худших злодеяний Ереси, когда они были преданы своим бывшим братьям,

чувствовалось

даже спустя десять тысячелетий. Тогда
они были Легионом, теперь же их было
всего восемьсот

Астартес. Прием рекрутов был
заделенным, что только усугубляло низкую
боевую мощь ордена.

Всё запомнили его огромных
медицинских навыков, наиболее серьезно
раненные из Третьей

Роты Кадая остались бы без помощи, что
в дальнейшем снижит их боевую
эффективность. Что еще

хуже, генетическое семя погибших в бою
осталось бы и собраным, потому что
только Фугис

обладал знанием способности
безопасного извлечения этих прогеноидов.
Именно через эти

органических проектировалось будущее
костических десантников, позволяя
поверженным воинам

служить ордену даже в смерти.

Понесенные Третьей Ротой потери замед

с т а н у т пос т о я н ны ти с   потерей
апотекария — трачное
событие, повергавшее Кадая в дурное
настроение.

— Как только прибудут подкрепления, ты
пойдем на новый приступ города, — бывал
он.

— Нам следует обрушить на них всю тощу
роты. Тогда эти еретики сломаются, —
заявил Цү'ган,
сжимая кулак, чтобы подчеркнуть свою
страстность.

Они Дақ'ир сопровождал Кадая с линии
фронта, оставив там сержанта-ветерана
Н'келна для

организации войск. Капитан отстегнул
боевой шлем, чтобы снять его. Белый
гребень волос Кадая

был влажным от пота. Его глаза горячо
пылали, излучая гнев.

— Да, они узнают, что Саламандры легко
не сдаются.

Цү'ган дико устремился на это.

Дақ'ир думал только о братьях, которые

были уже потеряны, и о тех, которых предстоит

погибнуть в следующем упрямом штурме. Предатели закрепились, и их было очень много - без

огнеметов, чтобы выбивать их из засад других ловушек, захват Кирриона станет тяжелым делом.

Затем произошло нечто, что в корне изменило воинственные планы капитана относительно мести.

В дальнем конце площади Ареона сквозь дым и пыль начали выходить фигуры. Они вылезали из укрытий и с опущенными от отчаяния плечами волочили ноги к Саламандрам.

Глаза Дак'ира расширились, когда он увидел, сколь много их там было.

- Выжившие... гражданские Кирриона.

• • •

*

— ОТКРОЙ ЕГО, — проскрежетал
драконий гигант. Но его чешуйчатые
доспехи текли жуткие
энергии, отбрасывая в отрак резкие
вспышки света. Они его воины достигли
подземного
металлического зала, заканчивающегося
огромным порталом из тяжелой
пластали.

Вперед вышел еще один великан, носящий
пластинчатые доспехи из красной чешуи.
Из

воздуха распределительной решетки в его
рогатом шлеме текли струйки дыма.
Тишина внешнего
хранилища была нарушена шипящим
попрескивающим вдохом прежде, чем
рогатый воин

выпустил яростную струю пламени. Она с
диким ревом вырвалась из пластинчатой
решетки,

поглотив двери хранилища.

Укрепленные пластилевые двери за секунды потемнели и начали таять, слошь плавящегося

керамика с текла, прежде чем адамантиновая пластина двери сама не запылала раскалено-белым светом и превратилась в расплавленный шлак.

Воины быстро прошли через туннель дядя Таг-траваев, сильно углубившись в незнакомые

коридоры Кирриона. Никто не видел их приближения. Их лидер убедился, что после ранней бойни

свидетелей не осталось. После почти часа пути, они достигли своего назначения.

Сюда, в

подземелья города, не могли проникнуть облака водородного газа. Они были далеки от поля боя, и

продолжающиеся в отдаленных районах Кирриона сражения казались приглушенными и

далекими сквозь многие слои рокрита и
тепалла.

-- Оно здесь? -- спросил третий воин, когда
рваный проход в хранилище остыл, его
голос был

подобен потрескивающей тагме. Внутри
находились сотни крошечных сейфов, в
которых

аристократия Стратоса могла хранить
то, что считала наиболее драгоценным.
Никто не мог знать

о бартефакте, безвредно лежавшем в
одном из этих ящиков. Даже увидев его,
немногие бы

поняли, для чего он был нужен и какими
ужасными разрушительными силами
обладает.

-- О да... -- ответил жуткий воин, закрывая
алые веки и потянувшись к своей силе. --
Оно именно
там, где он и говорил.

•••

*

...

МАССЫ

ОТЧАЯВШИХСЯ

ВЗЛОХМАЧЕННЫХ

стратосцев

тащились на площадь Аереона.

На большинстве из них висели лохмотья, остатки одежды, которая была на них, когда культисты

в залигор. Некоторые сжимали разодранные лоскуты опаленных пожитков как последнее

напоминание о би x прошлой жизни в Киррионе, теперь бывшее не более чем пеплом. Многие

прикрывали лица полосами грязной ткани или рваными шарфами, чтобы уберечься от удущающих

водородных газов. Еще у одних были изношенные респираторы, которыми они делились с

другими; маленькие группы по очереди надевали кислородные маски. Водород не

настолько

вредил Саламандрам, их тұлғыти легкие и
биологические почки работали совместно
для отделения и

откачки токсинов, таким образом
позволяя им нормально дышать.

— Весь город парализован ужасом... —
сказал Ба'кен, когда из его лица вынули
очередной кусочек

осколка. Опершегося на стену периметра
тогочего Саламандру проверял брат Этек,
у которого

были начальные познания в полевой
хирургии. Боевой шлем Ба'кена был
уничтожен при взрыве,

как и его любимый тяжелый огнемет.
Когда воина отбросило сквозь стену, ее
куски впились ему в

плоть.

— Эта все олиши первые из них, —
ответил Да'ир, с жалостью наблюдая за
устало бредущими

выжившими людьми, проходившими тимо-
часовых Саламандр.

Площадь Аереона постепенно заполнялась.
Дак'ир смотрел вслед несчастным
беднягам, которых

стратоский авиаакорпус плотной толпой
уводил к воротам Кирриона. Отсюда ехали
были видны

работающие на холостых оборотах
так и на бронетанкового батальона,
готовые к

транспортировке выживших через
небесный лосм в относительно безопасный
Нимбарос. Забрали

уже почти сто человек, но еще больше
стремилось на площади, пока солдаты
авиакорпуса

пытались навести порядок.

— Зачем показываться именно сейчас? —
спросил Ба'кен, кивнув Эмеку, который
вынул все

выступающие осколки и теперь собирался
выходить. Раны уже заживали — клетки
Ларратана в

крови Ба'кена ускоряли свертывание и
рубцевание, и вживленная в мозг осстодула

способствовала быстрому срастанию костей и регенерации.

Дак'ир пожал плечами.

- - Полагаю, что отступление врага для закрепления на уже захваченных землях одновременно с

нашим прибытием, должно быть оживило их. Заставило потянуться к спасению.

- Трачное зрелище.

- - Да... - - согласился Дак'ир, внезапно потеряв ход мыслей. Война на Стратосе обрела теперь

абсолютно новое обличье - - не то, что связано проволокой и обезображено заразой, но то, что

толит об избавлении, которое отдало все, что можно было отдать, лицо, бывшее обычным,

невинным и напуганным. Настопревшие на плетущихся тиши несчастных людей, сержант

остопрел осталенную часть лагеря.

Стена периметра формировалася своего рода пограничную линию, отделявшую

территорию

Саламандр от земель, удерживаемых «Кулътом Правды». Кадай был непреклонен на счет того, что

они будут держать оборону именно здесь. Народу «Громовой огонь» патрулировали

периметр на лязгающих гусеницах, их сервомоторы жужжали, когда технодесантники прогоняли

пушки в разных режимах стрельбы.

Брат Аргос прибыл на площадь в течение часа, приведя с собою артиллерию и братьев

технодесантников.

Больше подкрепления уже не будет.

В верхней атмосфере Стратоса бушевали свирепые бури, вызванные наславлением низкого

термального давления, исходящего из богатых хлором океанов. Спуститься с помощью

«Громовых Ястребов» не представлялось возможным, и на всех внепланетных

системах связи

цаили сильные помехи. Кадай и
Саламандры, предпринявшие начальную
планетарную высадку,
теперь остались одни -- факт, который
все они приняли стоически. Их количества
должно было
быть достаточно.

— Сколько наших павших братьев уйдет в
долгую тьму? — оторвал Дак'ира от
размышлений голос

Ба'кена. Большой Саламандра смотрел на
тедконтейнеры с тертыми и
тяжелоранеными, рядом
расположенные в дальнем конце стены
периметра.

— Надеюсь, меня не постигнет подобная
участь... — шепотом признался он. — Быть
погребенным в

гребноуте. Существовать без ощущений, с
поблекшим вокруг меня тиром, вечно
пребываая в
хладном саркофаге. Пусть лучше бы меня
унесли огни битвы.

- Служить ордену вечно - большая честь, -
Ба'кен, - сделал замечание Dak'ipr, хотя
его упрек был
мягким.

- В любом случае, нам неизвестно, что с
ними станет, - добавил он, - кроме
первых...

Павшие воины Третьей Роты ожидали
транспортировки в Нимбарос. На борту
"Огненной

виверны" они будут в безопасности, пока не
стихнут бури, и «Громовой Ястреб»
сможет

вернуться на «Гнев Вулкана», где их
погребут в пиреуме ударного крейсера.

После удаления прогеноидов погибшие
Саламандры в полном боевом облачении
сжигались в

пиреуме, а их практик использовался в
ритуале Протемея для почтения
героической смertи и

вдохновения живущих. Подобные действия
всегда проводились капелланом, и о из-за
того, что в

этом раз Элизия не было вместе с ротой, не пел должен был находиться в крематории ударного крейсера до тех пор, пока он не присоединится к ним, или они не вернутся на Ноктюрн.

Такие болезненные мысли неизбежно приводили к Фугису и его несвоевременной кончине.

— Я говорил с ним до начала задания, как раз перед его гибелью, — сказал Дак'ир, устремив взгляд вдаль.

— С кем?

— С Фугисом. В келье уединения на борту «Гнева Вулкана».

Ба'кен встал и потянулся к наплечнику, разминая затекшие спину и плечи. Левый наплечник

Ба'кена был снят, чтобы брат Эмек смог вправить ему вывихнутое плечо.

— Что он сказал? — спросил Астартес, опытыми движениями прикрепляя броню на место.

Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно.

— То, чего я никогда не забуду...

Дак'ир медленно покачал головой, устремив взгляд во тьму за пределами площасти Аереона.

— Не думаю, что ты здесь один, Ба'кен, — наконец сказал он.

— Ясно, что нет — ты воюешь здесь со многими тысячами врагов.

— Нет... кроме них, здесь есть что-то еще.

Ба'кен нахмурился.

— И что же это, брат?

Голос Дак'ира стал твердым как камень.

— Нечто худшее.

...

*

...

ДЕСАНТНЫЙ ОТСЕК «ОГНЕНОЙ наковальни» озарял яркий свет, когда

Дак'ир вошел в

«Лэндрейдер». Вращающаяся посреди
отсека схема отбрасывала резкий синий
свет, освещая

тактическое помещение и собравшихся
вне твоинов Астартес. Четыре
присутствующих

Саламандры уже сняли боевые шлемы. Их
глаза тепло горели в полумраке в
противоположность

холодному свету гололита, изображавшего
Киррион.

Вызванный сюда Кагаем, Дак'ир оставил
Бакена у стены периметра, чтобы том
смож

первоооружиться и приготовиться к
следующему приступу Кирриона.

— Наши дела пошли намного хуже без
огнеметов и тельят, — сказал Кагай,
вместе с Н'келном кивая
зашедшему Дак'иру.

Цуган не снизошел до подобного
дружелюбия и слегка нахмурился.

— В тактическом плане ты можем

удерживать площадь Ареона почти бесконечно, — продолжил

Кадай. — Орудия «Громовой огонь» укрепят нашу полосу обороны даже без подкреплений

с

«Гнева Вулкана» для компенсации потерь в личном составе. Однако более глубокое проникновение в город будет далеко не простым (очень сложным).

Невозможность получить подкрепление была тяжелым ударом, и Кадай сильно рассердился из-за

этих новостей. Несидавший в нем твердыи, как гранит, дух pragmatizma, уверенности в

собственных силах и самопожертвования пересилил, и таким образом он полностью сосредоточился на текущем задании, оперируя только теми силами, которые были у него в

наличии. В ответ на понесенные потери Кадай обрадовался и отметил группу опустошителей в два

отделения под командованием Лока и

Омкара, а команда раненного Ул'шана попала в подчинение

и в эту группу и тсержантам. Без подкрепления, тактические отделения должны будут просто

выдержать возможные потери.

-- После смерти Фугиса я не собираюсь рисковать еще большим количеством боевых братьев, --

сказал Кадай, залегшие налице тени заставляли его казаться обеспокоенным. --

Еретики

укрепились и хорошо вооружены. Нас мало. Это евва ли было бы помехой, если бы ты могли

использовать огнеметы, но, к сожалению, это не так.

-- Есть какой-либо способ очистить воздух? -- спросил Н'келн. Он хрюнул от раны в груди,

полученной вовремя отступления к площасти Аереона. Н'келн был крепким, надежным воином,

хотя у него не было задатков лидера

отсумствовала хитрость, необходимая
вышестоящим

командиром. И все же, он каждый раз
доказывал свою отвагу, и в этом его нельзя
было упрекнуть.

Это был очевидный и нужный вопрос.

В отраженный свет схемы ступил брат
Аргос.

Технодесантник был без шлема. Левая
часть его лица была закрыта стальной
пластиной с

выжженным на ней, подобно почетному
шраму, изображение рычащей
саламандры. Огненные

огни на жрецов-клейтовщиков
изгибами и лентами вились по его коже.
Бионический глаз

холодно светился в противовес его
собственному, горящему красным. Из
гладкого черепа,

подобно стальным опухолям, выступали
раздвоенные разъемы, и провода, извиваясь
по его шее,

вели в нос.

Его голос был глубоким, резким и звенящим.

- - Богородные виброросы, которые в контиреолириют с я атмосферными процессорами Кирриона,

являются газообразной стесью, которая используетя для наполнения оболочки стратоских

дирижаблей. Это тоже е е летучее соединение и причина, по которой наши болтеры все еще

нормально функционируют. Хотя мне не удалось получить доступ к некоторым внутренним

системам города, я совершенно не разбираюсь в этих процессорах. Для этого потребуется тестовый

инженер, кто-то, кто обслуживал систему первоначально. К сожалению, ты не в состоянии найти

кого-либо с нужными навыками среди выживших или тех, кто в се є в городской западне, -

Аргос помедлил. - Мне жаль, братья, но

любое использование зажигательного оружия в пределах города будет катастрофическим.

— Одно нам известно наверняка, — продолжил Кадай, — появление выживших гражданских сильно препятствует любому массированному наступлению. Я не буду напрасно подвергать опасности невинные жизни.

Цүгэн покачал головой.

— С всем уважением, брат-капитан, но если ты не будешь действовать, косвенный ущерб будет намного хуже. Единственный наш шанс состоит в том, чтобы провести мощную атаку на

Киррион и взять его. Повстанцы не будут ожидать столь смелого маневра.

— Мы не неуязвимы для вражеского оружия, — возразил Дак'ир. — С подобным планом ты рискуешь не только стратосцати. Что насчет твоих боевых братьев? Их служение окончилось

смертью. Ты хочешь увеличить их число?
Для подобного маневра у нас слишком мало сил.

Лицо Цү'гана исказил гнев.

— Сыны Вулкана! — воскликнул он, ударив падонями по нагруднику силовых доспехов.

— Огненорожденные, — добавил он, сжимая кулак, — вот кто ты такие. «На Наковалню Войны» —

таков наш девиз. Мне не страшны сражения и смерть, даже если для тебя это не так, игнорец.

— Я ничего не боюсь, — прорычал Дак'ир. — Но я также не брошу своих братьев в самое горнило

без веской на то причины.

— Хватит! — голос капитана немедленно привлек внимание препирающихся сержантов. Кадай

впился в них взглядом, его глаза пылали гневом от подобной непочтительности к боевому брату.

— Заканчивайте с этой враждой, — предупредил он, отступая. — Я не потерплю

подобного. У нас уже есть противник.

Сержанты притирательно склонили головы, продолжая, тем не менее, бросать друг на друга злые взгляды.

— Массированного наступления не будет, — подтвердил Кадай.

— Но это не значит, что мы будем бездействовать. Эти и еретики, целеустремленны до безумия, ведомые некой внешней силой. Никакая идеология, даже наиболее фанатичная, не могла довести

их до такого... бешенства, — добавил он, повторяя высказанную Фугисом теорию.

Уголок рта

Кадая скривился при коротком воспоминании. — Верховный жрец культа, этот Говорящий — вот ключ к победе на Стратосе.

— Убийство лидера, — заявил Цүгэн, одобрительно сжав кулаки.

Кадай кивнул.

- - Брат Аргос обнаружил структуру в
центре храмового района под называнием
Аура Церон. Но

словам разведки полковника Тонхаузера,
демагог находится там. Мы сделаем это,
- капитан обвел

взглядом в се помещение. - - В в боевых
отделения опустошителей останутся
здесь с братом

Аргосом, который, как и раньше, будет
направлять нас. Это небольшое соединение
вместе с

орудиями «Громовой огонь» будет
удерживать площадь Ареона и защищать
появляющихся
выживших.

Цуган нахмурился.

- - Площадь Ареона похожа скорее на
лагерь для беженцев. Авиакорпус не
стожет

транспортировать людей достаточно
быстро. Они только будут нам мешать.
Наше задание состоит

в том, чтобы сокрушить орудия

освободить это место от ужаса. Как нам
удастся сделать это, если
ты разделил силы, защищая людей? Нам
следует взять с собою всех боевых братьев,
каких только
возможно.

Кадай наклонился вперед. Его глаза
походили на пламенеющие угли, которые,
казалось, разгоняли
холодный свет гололита.

— Я не брошу их, Цү'ган. Ты не Злобные
Десантники или Терзатели Плоти, как и
не любые другие
и за них кровопролитных братьев.
Саламандры той породы, которой им
следует по праву
гордиться. Ты будешь защищать
невинных, даже если...

«Огненную Наковальню» встряхнуло от
внезапного толчка, и ее бронированный
корпус

забибрировал от приглушенного взрыва,
раздавшегося снаружи.

Брат Аргос немедленно опустил рампу, и

Саламандры бросились наружу, чтобы
узнать, что
произошло.

Огонь и дым окружали потемневший
кратер посреди площади Ареона. В нем
лежали

искореженные трупы нескольких
страпоских живелей в тесном
тноожеством солдат авиакорпуса,

чьи тела были изломаны взрывом бомбы.

В другом конце площади закричала
женщина. Она

упала, пытаясь убежать от еще одного
беженца, почему-то сжимавшего в руке
осколочную

гранату.

Цыган практически мгновенно вскинул
комби-бомбер и выстрелил человеку в
грудь. Граната

выпала из рук повстанца и взорвалась.

Бегущую женщину и еще нескольких
других поглотила взрывная волна. Крик
стал сильнее.

Кадый выкрикивал приказы, пока

сержанты вместе со своими отделениями
пытались подавить

внезапную панику.

В группы выживших людей проникло
несколько кокулитистов, намереваясь
породить анархию и

массовые разрушения. Они в этом
преуспели. Респираторные маски отлично
скрывали их

«недостатки», позволяя проходить тимо-
стратоских солдат и даже Астартес.

Ко'тан Кадай стоял на коленях, держа в
руках изломанное тело женщины. Он
побежал к ней,

когда густые щеи рассеивался после
взрыва. Она выглядела хрупкой и худой по
сравнению с

массивным телом Астартес, ее
щелевшие кости, казалось, были готовы
сломаться от его

легчайшего прикосновения. И все же они не
ломались. Он держал ее нежно, будто
отец,

баюкающий своего ребенка. Она находилась

в сознании еще несколько секунд, ее глаза
были

наполнены страхом, изо рта текла кровь
от обширной внутренней травмы.

— Брат капитан? — отважился спросить
Н'келн, появившись возле него.

Кадай осторожно положил терпящую
женщину и встал во весь рост. Его глаза
сверкнули до багровых
щелок, ужас из них отступил, сменившись
яростью.

— - - В а боевых отделениях, - - произнес
капитан, на него же взглядел
Цү'гана, который
находился достаточно близко, чтобы
услышать его, но тщедушно решил не
выказывать недовольства.

— Обыскивать каждого... каждого!

— Теперь ясно, почему люди вышли из
укрытий. Культисты именно этого от-
них и хотели, чтобы
воплотить в жизнь свой план... - - Ба'кен
тихо сказал Дак'ирү, пока они наблюдали
за

происходящим.

Кадай прикоснулся к лицу и будто впервые заметил на пальцах кровь.

— Все что нам нужно, так это доставить испребительную группу достаточно близко к Говорящему, чтобы казнить его, и решительности культистов исчезнет, — пообещал он. — Ты выдвигаешься немедленно.

...

*

...

пять километров, наполненных колючей проволокой, «волчьими ятами» и частично уничтоженными улицами. Отряды убийц культистов раскапывали руины в поисках выживших людей для пыток; прячущиеся в альковах стерпники, сжимающие дрожащими

нальцами чеки

гранат; жрецы-свежевальщики, ведущие за собою толпы людей с зашитыми ртами.

Это был

наиболее выгодный маршрут, который нашел технодесантник Аргос, чтобы его боевые братья

сумели добраться до Ауры Церона.

Пройдя всего лишь два километра по этой адской дороге, после всех прорывов сквозь засады и

непрекращающиеся тинны-ловушки, Саламандры попали в еще один тупик.

Они стояли перед длинной, но узкой эспланадой из обвалившегося пластика.

Лабиринтобразные противотанковые ёжики были врыты через каждые три-четыре метра,

увенчанные тонкими колючей проволоки. Большие черные кожухи частично закопанных тин

тускло сверкали подобно спинам некоторых насекомых. Повсюду были вырыты «волчьи ямы»,

прекрасно скрытые при помощи
партизанской стекалки.

Для того, чтобы достичь Ауры Церона, им придется преодолеть это поле смерти.

В его конце

располагалась плотная серая линия
рокритовых бункеров, укрепленных
броневыми плитами. Из

боковых щелей постоянно раздавался
гром от рассыпавшихся выстрелов,
сопровождаемый

ритмичной приглушенной стрельбой из
тяжелой пушки. Ничейная земля была
накрыта огнем,

освещавшим трак в кошмарных черно-
белых тонах.

Саламандры были не первыми, кто
собирался пройти этим путем. Землю
устыдали тела стратоских
солдат, столь частые и безжизненные, как
тешки с песком.

-- Окольного пути нет, -- доклад Дак'ира о
рекогносцировке был кратким после того,
как он

попытался, хотя и безуспешно, найти другой угол атаки. В столь узком кордоне, где десять

костических десантников евда ли смогли бы стать в ряд, боевая эффективности Саламандр была серьезно ограничена.

Капитан Кагай трачно смотрел на огненный вихрь. «Адская Стража» и опустошители Откара стояли возле него, ожидая своей очереди оказаться во фронте атаки.

Не более чем в пятидесяти метрах от них, отделение Цу'гана, пригибаясь за группой

противотанковых ёжей, вели о ответный огонь, тогда как опустошители сержанта Лока

обеспечивали и т огневую поддержку из тяжелых болтеров. За каждый пройденный метр им

приходилось платить кровью, но, несмотря на то, что у Цу'гана было уже три раненых воина, он

решительно настремился пройти как можно большее расстояние и подойти достаточно близко,

чтобы атаковать противотанковые гранатами.

Линия фронта была растянутой. Они прошли так много, как могли, чтобы не рисковать под огнем

тяжелого оружия культистов. Повстанцы были так хорошо защищены, что виделись только как

тени, до тех пор, пока их уродливые лица не освещались дульными вспышками.

Кадай носился по всей линии фронта, пытаясь обнаружить слабые места в обороне противника.

— Что ты нашел, сержант? — спросил он.

— На восток и запад тянутся километры непроходимых баррикад и ущелий, — ответил Дак'ир. —

Может ли ты повернуть назад, капитан, и попросить Аргоса найти другой путь?

— Я видел фортификации, возведенные Имперским Кулаками, которые были

защищены хуже, —

пробормотал себе под нос Кагай, а затем повернулся к Дак'иру. — Нем. Или ты сломит их здесь,

или не сломит вообще.

Дак'ир собирался ответить, когда по устройству связи прозвучал голос Цү'гана.

— Капитан, ты можешь пройти еще пять метров. Запрашивая приказ о продвижении.

— Отстави это. Возвращаясь сюда, сержант, и прикажи Локу удерживать полосу обороны. Нам нужен новый план.

Шиполетная пауза в разговоре показала очевидное недовольство Цү'гана, и о его уважение к

Кагаю было абсолютно.

— Уже иду, твой повелитель.

• • •

*

— Н а т н у ж н о подобраться
достаточно близко, чтобы забросать
стену противотанковыми
гранатами и пробить в ней брешь, —
сказал Цү'ган, вернувшись к тыловой
позиции Салатандра. —

Решительное фронтальное наступление —
единственный шанс сделать это.

— Атака через огневой тешок будет
безумием, Цү'ган, — возразил Дак'ир.

— Мы только зря теряем боеприпасы, пока
прижаты тут, — спорил Цү'ган. — У тебя
есть какие-либо
идеи?

— Должен быть другой путь, — настаивал
Дак'ир.

— Отступить, — просто сказал Цү'ган,
сделав паузу, чтобы все осознали сказанное
им. — Хотя я и не

желаю этого. Если мы не можем
прорваться, значит Киррион потерян.
Отступить и вызвать

«Огненную виверну». Использовать ее

ракеты для уничтожения гравитационных

двигателей и

бросить все это адское место в океан.

Капитан был готов согласиться.

— Я обреку на гибель тысячи невинных жизней.

— Но спасете миллионы, — настаивал Цү'ган. — Если мир оказался испорченным настолько, что ему

уже ничем невозможно помочь, или же его захватили враги, то ты уничтожаешь его, вырезая это

пятно с лика галактики подобно раковой опухоли. С городами дело должно обстоять так же.

Стратос можно спасти. Киррион — нет.

— Ты говоришь о массовом убийстве как о чем-то обыкновенном, Цү'ган, — ответил Кадай.

— Такова участь воинов, твой повелитель. Нас создали, чтобы сражаться и убивать, нести порядок

во имя Императора.

Голос Кадая стал твердым.

- Мне известна наша цель, сержант. Не позволяй себе рассказывать мне о ней.

Цү'ган стиленно склонил голову.

- Я не хотел оскорбить вас, мой повелитель.

Кадай знал, что Цү'ган был прав, и это его злило. Киррион был потерян. Тяжело вздохнув, он

включил устройство связи.

- - На т понадобится брат Аргос, чтобы вторгнуться в зону безопасности Стратоса и взорвать

небесные мосты, соединяющие Киррион, иначе он потянет за собою часты прилегающих городов,

- в голос сказал он сам себе, прежде чем вернутся к устройству связи.

- Брат Хе'кен.

Нилом «Огненной виверны» вышел на связь. «Громовой Ястреб» стоял на посадочной платформе

за пределами Нимбароса.

- Мой повелитель.

-- Готовься к скорому вылету и приготовь ракеты «Адский Удар». Мы покидаем город. Ты

получишь приказы через...

В боевом шлеме Кадая вновь замрещало устройство связи, обрывая его на полуслове.

Из-за

критических помех сначала было тяжело различить голос, но когда Кадай узнал его, у него

похолодела кровь.

Это был Фугис. Апомекарий выжил.

...

*

...

- ПОСЛЕ НАДЕНИЯ Я потерял сознание. Очнувшись, понял, что оказался в подгорных городах. Они тянутся приблизительно два километра, достаточного глубокого размещения массивных

подъемных двигателей, — объяснял Фугис

со своей обычной желчностью.

— Ты ранен, брат? — спросил Кадай.

Наканале воцарилась переплетающаяся статикой тишина, и на мгновение он подумал, что вновь потерял апомекария.

— Я получил некоторые повреждения и разбил к тому же боевой шлем. Все это время я пытался

починить устройство связь, — наконец вернулся голос Фугиса. В коротких перерывах можно было

услышать грыхание. Он оказался прерывистым и неровным. Апомекарий пытался скрыть собственную боль.

— Где ты точно находишься, Фугис? — статические помехи вновь нарушили связь.

— В туннельном комплексе под поверхностью. Но это может быть где угодно.

Кадай повернулся к Дак'иру.

— Свяжись с братом Аркосом. Пусть он

застрашивает сигнал Фугиса и вышлет
нам координаты.

Дак'ир кивнул и принял за дело, пока над головой приглушенно вела обстрел тяжелая пушка.

— Послушай, — сказал Фугис, треск статики усилился, — я не один. Тут есть гражданские лица. Они сбежали сюда с началом атак, и все это время скрывались.

Наступила еще одна короткая пауза, пока апомекарий обдумывал следующую фразу.

— Город еще не наш.

Кагай объяснил ситуацию с водородной газовой стесью на поверхности, о том, как они не могли

использоваться огнеметами и тельтами, и это в се (все это) только осложнялось фактом, что

культисты были прекрасно подготовлены и занимали хорошие позиции.

— Выглядит так, будто им известна наша тактика, — заключил он.

— Газ не проник настолько глубоко,

сказал ему Фугис. — Но, возможно, я знаю, как остановить это.

— Как, брат? — спросил Кадай, и его голос наполнился новой надеждой.

— Человеческий инженер. Некоторые из беженцев скрывались от газа так же, как и от самих

повстанцев. Его зовут Банен. Если ты выведешь его из города и доставишь технодесантнику,

Киррион можно будет очистить, — многозначительная пауза предвещала приближающийся

подвих.

— Но этому есть цена, — объяснил Фугис через всплески помех.

Челюсти Кадая сжалась под боевым шлемом.

Всему есть своя цена...

Аптечарий продолжил.

— Для очищения Кирриона от газа весь поступающий воздух должен быть провентилирован. Он

будет очень разреженным, и, прежде чем восстановится, многие умрут от холода.

Люди,

прячущиеся в о внешних пределах города, вдали от теплой зоны активности подъемных

двигателей, вероятно, погибнут от холода.

Оптимизм Кадай быстро угас.

— Чтобы спасти Киррион, мне придется приговорить его жителей.

— Некоторые могут выжить, — сказал Фугис, хотя в его словах не было уверенности.

— В лучшем случае, их останется всего горстка, — заключил Кадай. — Это не выбор.

Вариант с разрушением гравитационных двигателей был достаточно плохим. Этот же был еще

худшим. Саламандры, гордившиеся своим человеколюбием, присягнувшие защищать слабых и

невинных, просто теняли один геноцид на

другой.

Кадай сжал рукоять громового молота. Он был черным, и его навершие было толстым и тяжелым,

подобно подручному инструменту кузнеца. Он выковал его в недрах Ноктюрна, где потоки горной

лавы освещали ониксовую кожу оранжевым светом. Кадай хотел вернуться туда, к наковальне и

жару кузницы. Молот был символом. Он походил на оружие, с которым Вулкан впервые встал на

защиту своего названного родного мира. В нем Кадай нашел решение, и в свою очередь силу,

чтобы сделать то, что должно.

— Мы идем за тобой, брат, — сказал он со стальной решительностью. — Защищай инженера. Пусть

он будет готов к транспортировке до нашего прибытия.

— Я буду держаться так долго, как только смогу.

В эфире вновь воцарился белый шум.

Кадай почувствовал, как стирение упало на его плечи подобно тяжелой тантии.

— Брат Аргос зафиксировал сигнал и передал его на ауспекс, — сказал Дак'ир, отвлекая капитана от темных мыслей.

Кадай трачно кивнул.

— Сержанты, разбились на боевые отделения. Остальные остаются здесь, — сказал он, вызывая своего заместителя.

— Н'келн, — обратился Кадай к сержанту-ветерану. — Ты возглавишь экспедицию по спасению

Фугиса.

В разговор вмешался Цү'ган.

— Мой повелитель?

— Как только ты уйдешь, повстанцы почти наверняка отведут отсюда свои силы. Ты не стожем

держать их тум, просто стоя на месте, — объяснил Кадай. — Нужно приковать их

внимание там, где

нам это будет нужно. Я намерен достичь
этого, атакуя стену.

— Капитан, это самоубийство, — без
обиняков сказал ему Дак'ир.

— Возможно. Но я не могу позволить
врагам добраться до фугиса и
человеческого инженера. Его
выведение имеет первостепенное
значение. Ты знаешь, что Прометеев путь
и есть

самопожертвование, сержант.

— Со всем уважением, капитан, — сказал
Н'келн. — Брат Маликант и я желаем
остаться и сражаться
вместе с остальными.

Стоявший позади сержанта-ветерана,
Маликант, знаменосец роты,
торжественно кивнул.

Оба Саламандры были ранены во время
неудачной кампании по освобождению
Кирриона. Из-за

ранения в ногу, полученного во время
взрыва на площади Ареона, Маликант

тяжело опирался на

знатя роты, в то время как Н'келн кривился от боли в раздробленных ребрах.

Кадай разгневался.

- Ты отказываешься повиноваться моим приказам, сержант?

Не смотря на ярость капитана, Н'келн не собирался отступать.

- Да, мой повелитель.

Кадай впался в него взглядом, но когда его гнев прошел, он понял смысл слов Н'келна и обнял

сержанта-ветерана за плечо.

- - Держись твоего долгого, как скажешь. Продвигайтесь лишь тогда, когда будете вынуждены, и

атакуйте быстро. Тогда вы сможете пройти через орудийный огонь без потерь, -- сказал ему Кадай.

- Своей жертвой вы делаете честь ордену.

Н'келн ударил кулаком о наплечник, а затем вместе с Маликантом пошел на передовую, где уже

ждали остальных.

— Это было деяние чести, — сказал он воинам, наблюдавшим за удаляющимися Саламандрами. Они были исключительны для воинами. Все его боевые братья были такими. Каждый очень гордился

всеми и каждым из них в отдельности. — Фугис ждет. В плачах битвы, братья...

— На наковальню войны, — все как один, ответили они торжественно.

Саламандры уходили, оставляя своих братьев наедине с их судьбой.

...

*

...

ТУННЕЛИ БЫЛИ ЗАБРОШЕНЫ.

Ба'кен целился болтером в окружающий тракт, где обеевые чувства были сверхобострены от напряжения.

- Слишком тихо...

- Ты бы предпочел сражение? - спросил его
Дак'ир по устройству связи.

- Да, - честно ответил Ба'кен.

Сержант был в нескольких тетрах
впереди, Саламандры шли двумя рядами по
обе стороны

туннеля. Каждый костический десантник
удерживал дистанцию в пару метров (ом)
впереди идущего боевого брата, чтобы
прикрыть его спину и бок в случае засады.

Осветители

шлемов освещали темные коридоры,
создавая воображаемые опасности в
собирающихся тенях.

Саламандры следовали за сигналом
апотекаря как за маяком. Сначала он вел
их на юг, туда,

откуда они пришли, к скрытому входу в
подземный Кирриона. Бесчисленные
туннели не были

нанесены на карту города,
поэтому Аргосу не было ничего о них
известно. Частный

комплекс проходов бункеров
приналежал аристократии Стратоса.
Двери в стенах туннелей
скользили в сторону с шумом
стравливающего воздуха, и вели в богатые
украинные комнаты, тёбель
в которых стояла неповрежденной и
покрытой слоем пыли. Открытие настежь
укрепленные

хранилища никем не охранялись, и
находящиеся внутри сокровища лежали
нетронутыми.

Несколько залов было забито техникой,
подключенной к криогенным резервуарам.

В

неподвижных гелях-растворах внутри них
разрастались фиолетовые бактерии. К
стеклам

резервуаров и знати прижимались
раздувшиеся от гниения разлагающиеся
трупы, чье

приостановленное существование
окончилось, когда прервалось
электропитание Кирриона.

Идущий впереди Кадай поднял руку, и
Саламандры остановились.

Недалеко от капитана Ягон, стоявший в
шаге от Цыгана, сверился с аукционом.

— Были показатели в пятидесяти метрах
впереди, — прошипел он по устройству
связи.

Узкое пространство наполнилось звуком
передергиваемых замков болтеров.

Кадай опустил руку, и Саламандры
начали медленно передвигаться, стыкая
ряды. Они до сих пор

не столкнулись с отпором культистов, но
это не значило, что его не было.

Дак'ир услышал впереди какое-то
движение, похожее на металл,
скрежещущий о металл.

— Молот! — выкрикнул из темноты голос,
сопровождаемый звуком входящего в
казенную часть
болтерного заряда.

— Наковальня! — произнес Кадай оставшуюся
часть пароля, и опустил пистолет.

В двадцати метрах впереди опирался

о переборку раненый воин Саламандр
медленно опустил

вытянутую руку с болт-пистолетом.

Облегчение в голосе Кадая было
ощущимым.

— Спокойно. Это Фигис. Мы нашли его.

•••

*

•••

БАНЕН ВЫШЕЛ ИЗ теней вместе с
маленькой группкой выживших. Низкий и
невзыскательный, он

носил кожаный передник и грязный
комбинезон, выпиравший из-за его тучной
фигуры. Его

измазанную смазкой тачкику обрамляла
пара очков.

Он не походил на человека, способного
уничтожить целый город.

От Кадая не скрылось
многозначительность стоявшего перед

ним решения, пока он разглядывал человеческого инженера.

— Ты можешь провентилировать атмосферу Кирриона и очистить город от газа?

— Да, твой повелитель, — из-за заикания человек казался еще более безобидным.

Целаясь болтерами наружу, Саламандры сформировали защитный кордон вокруг переборки, где

скрывались Фугис и оставшиеся в живых. У аптечария была сломана нога, но, по крайней мере,

он все еще находился в сознании, хотя и не в том состоянии, чтобы сражаться. После обнаружения

аптечария на туннельный комплекс опустилась жуткая тишина, будто сам воздух замял дыхание.

Кадай уставился на Банена.

Я подпишу спертный приговор тысячам...

— Сопроводите их обратно на площадь Ареона, — сказал он брату Ба'кену. — Начните очищение

города так скоро, как это будет возможно.

Ба'кен отдал честь. Саламандры расформировали оборонительное построение, когда столъ долго сдерживаемый воздух хлынул обратно.

В нескольких метрах далее по коридору, из люка в крыше выпрыгнул одинокий повстанец,

сжимая в тонких пальцах гранату.

В коридоре громко и хрипло взревели болтеры, разорвав культистов на куски.

Взорвавшаяся

граната разлетелась в огненной буре.

Саламандры встретили ее без колебания, прикрывая

бронированные тела напуганных людей.

Из темноты впереди них раздались звуки сотен бегущих ног.

— Боевое построение! — выкрикнул Кадай.

Из-за ла появилась толпа хищных повстанцев. Встроенные в стены и крыши люки внезапно

открылись, и оттуда потекли

күлгүстүсү, подобно толстым вишам, вылезающим из трещин.

Кадай взвел пистолет.

- Саламандры! Принесите им сперты!

Расчет культисты подтягивал автопушки. Так'ир расстрелял их из болтера, прежде чем они успели установить орудие.

- Ягон... - Цүгэн попытался перекричать дурлящий шум боя.

- Атмосфера в норме, сэр, - ответил воин Саламандр, точно зная, что было на уме юнита.

Цүгэн оскалил зубы в дикой улыбке.

- Очищай и сжигай, - прорычал он, и прикрепленный к его комби-болтеру огнемет взвревел.

Жидкий прометий воспламенился от контакта с воздухом, извергая в коридор всепожирающую волну огня.

Шен'кар усилил пожарище собственным огнеметом. Платя испепеляло күлгүстүсү, превращая их

тела в медленно рассыпающиеся тени за-
омечивающим таревом.

Все это длилось евва ли несколько секунд.
После того, как пласти, наконец, утихло, на-
его месте

остался лишь дым и обугленные остатки.
Были уничтожены десятки повстанцев —
от некоторых не
осталось ничего, кроме пепла и костей.

•••

*

•••

— ЯРОСТЬ ОГНЯ ПРИНЕСЁТ
Саламандрам победу в этой войне, — сказал
Фугис, когда Астартес вновь
готовились разделить силы. Аптекария
поддерживал Ба'кен, стоявший среди тех,
кому

предстояло вернуться на площадь Аереона.
Кадай был непреклонен насчет того, что
Фугису и людям следовало предоставить

всю возможную

защиту. Если это означало сильное
дробление сил Саламандр, тогда так
тому и быть. Капитан

будет прокладывать себе дальнейший
путь в лицо с Цыганом, Дакиром,
чемпионом роты

Векшеном и почетным братом
Шенкаром в качестве свиты. Остальные
возвращались обратно.

— Я уверен в этом, — ответил Кадай, став
напротив него. — Но ценой тысячи жизней. Я
надеюсь

лишь на то, что цена будет достойной
этого, старый друг.

— Достойна ли этого любая цена? —
спросил Фугис.

Аптечарий больше не говорил о
Киррионе. В уме Кадая вспыхнуло горькое
воспоминание, но он
тут же подавил его.

— Пришлете весть, что когда достигнете
площади Ареона и удалите газ. До тех
пор ты будешь

ждатъ здесъ.

Фүгис кибнүл, хотя это принесло апомекарию еще немногого боли.

— Во имя Вулкана, — сказал он, отдавая воинское приветствие.

Кадай повторил слова, удалив кулаком с нагрудную пластину. Апомекарий бросил на него

прощальный утешительный взгляд, прежде чем сдаться Бакену увести себя.

Кадаю егва ли было

легко от мысли о тысячах безвинных, которые все еще находились в городе, и их незнании того,

что с ними скоро должно было произойти — судьба, которую он создал собственными руками.

— Император, прости теня... — тихо прошептал он, смотря вслед уходящим Саламандрам.

• • •

*

НАД ПЛОЩАДЬЮ ВОЗВЫШАЛСЯ
ОСТОВ АУРЫ ЦЕРОНА. КОГДА-ТО, КАК И
БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ КИРРИОНА, ОН

БЫЛ ПРЕКРАСНЫМ В СВОЕЙ СТРОГОСТИ — БЕЛОЕ
СЕРЕБРО, СПЛАВЛЕННОЕ С ХОЛОДНЫМ
ТРАЛОРОМ. ТЕПЕРЬ ОН

БЫЛ ХРАМОМ БОЙНИ. ЕГО СТЕНЫ БЫЛИ
ПОКРЫТЫ КРОВЬЮ, ПРОСАЧИВАЮЩЕЙСЯ В
ТРЕЩИНЫ ИСКУСНО

СОЗДАННОГО МОЗАИЧНОГО ПОЛА. БЕЖАВШУЮ
ВОКРУГ ОБШИРНЫХ ГРАНИЦ ХРАМА ВЫСОКУЮ
ВНЕШНЮЮ СТЕНУ

ПРЕРЫВАЛИ УПАВШИЕ КОЛОННЫ.
УСТАНОВЛЕННЫЕ В ЗАМЕТНЕННЫХ АЛЬКОВАХ
СТАТУИ БЫЛИ ОБЕЗГЛАВЛЕНЫ
ИЛИ ИСПАЧКАНЫ ГРЯЗЬЮ, ПОРТЯ ИХ БЛЕДНОЕ
БЕССМЕРТИЕ.

КАМЕННАЯ КЛАДКА БЫЛА ИЗМАЗАНА ГРУБЫМИ
СИМВОЛАМИ, ВОСХВАЛЯЮЩИМИ ТЕМНУЮ СЛАВУ
«КУЛЬТА

ПРАВДЫ». НАД РАСТРЕСКАВШИМСЯ ПОТОСТОМ
В ЗАДНЕЙ ЧАСТИ ЗАЛА ДОМИНИРОВАЛ ТЕМНЫЙ
АЛТАРЬ,

преображеный за забреными клинками и
запятнанный кровью. Вырванные из
структур

подбрюшья Кирриона металлические
перекладины были целиком притащены в
храм, оставив на

тусклом траморе рваные следы. С них, в
качестве подношений богам Хаоса, свисали
почерневшие

трупы, останки верных страстосцев.
Оскверненная святыня Императора
Человечества, Аура Церон

стала теперь приютом разложения, куда
поклоняться приходили лишь проклятые.

Нигили получал удовольствие в
унижении храма, рассматривая издалека
инструменты своей
темной воли.

- Нам не стоит оставаться здесь, колдун.
Ты получили то, зачем пришли, - из
теней проскрежетал

голос, отдающий дылом и пеплом.

- У нас здесь двойная цель, Рамлек, -
раздражаяющим тертым тоном ответил

Нигилан. — Ты

достигли лишь первой части.

Омстүпник **Воин Дракона** оглядел окровавленную площадь Ауры Церона из почерневшей

приятной над единственным алтарем. Он с интересом наблюдал за Говорящим, обманывающим и

убеждающим массы культистов, греющихся в неестественной ауре его змеиной риторики.

Клеймо, которое Нигилан выжег на плоти верховного жреца более трех месяцев назад, когда

Воины Дракона впервые пришли на Стратос, хорошо распространилось. Оно почти заразило все

его лицо. Посаженное колдуном семя скоро должно было созреть.

— Жизнь за жизнь, Рамлек — тебе это известно. Горган готов?

— Да, — проскрежетал рогатый воин.

Нигилан тонко улыбнулся. Рубцы на его лице растянулись от редкого

использования этих тышиц.

— Наши враги скоро придут, — прошипел он, — и по его кулаку затрещала психическая сила, — и тогда ты отомстил.

...

*

...

ГЛАЗА, ПОДОБНЫЕ ЗЕРКАЛЬНОМУ
стеклу, смотрели из под сводчатого
прохода мавзолея, более
слепые, немигающие в своей сперти. На
губах и веках терпвеца скопились
крошечные кристаллы
льда, заставляя их отвисать будто бы в
лемаргии. Несчастный бедняга был
наполовину вытащен из
каменной могилы, его ослабевшая
безжизненная голова свисала над краем.

Он был не один. По всему храмовому
району лежали терпкие горожане и

постанцы, погибшие от
удушья, когда началась вентиляция
атмосферных процессоров. Некоторые
сжимали друг друга в
последних схватках обятиях,
стирившись с своей участью; другие
боролись, уцепились в
собственное горло в тщетной попытке
наполнить воздухом легкие.

Руины храмового района были тревожны
тихими. Это казалось странно умстнныи
тишина
опустилась подобно савану на расколотые
тололиты и трачные толельни; акры
кладбищ, посреди
которых возвышались усыпальницы и
склепы; закутанные в тантин статуи,
согбенные от темного
воспоминания.

-- Так много смерти... -- произнес Дак'ир,
вспомнив об еще одном месте, в котором
он был
десатилетия назад, и взглянул на
капитана. Кадай, казалось, переносил все

это стоически, но

Дак'ир мог сказать, что это не оставляло его безучастным.

Саламандры прошли через город, не вспоминая сопротивления, крадясь подземными дорогами

частного тоннельного комплекса. Хотя у него и не было карт подземного лабиринта,

технодесантник Аргос определил маршрут, основываясь на расположении скрытого входа и

визуальных докладах его боевых братьев, некоторые из которых он передавали о продвижении через

тусклые туннели. После часа блужданий узкий и темный коридорами, Саламандры, наконец,

выбрались наружу, чтобы столкнуться с торжественностью храмового района.

По словам Кадая, и тут следовало ожидать сопротивления. По правде говоря, он был бы даже рад

этому. Нечто, что могло его отвлечь от

ужасного деяния, которое он был вынужден совершить с

жителями Кирриона. Но отпора не было — Салатандры прошли через белые врата храмового

района без стычек, и все же напоминания о поступке Кадая скрывались в каждом алькове и

затемненном городском убежище.

К счастью, Фугис и остальные прибыли на площадь Ареона близ проишествий. Кадая начали

одолевать бурные чувства, когда к нему по устройству связи пришло сообщение аптекария. Это

был обиодоострый теч, спасение, но за огромную плату — уничтожение людей Кирриона.

— Аура Церон находится в полукилометре к северу, — проскрежетал по устройству связи

металлический голос Аргоса, отрывая его от дальнейшего самоанализа.

— Я вижу его. — решительно ответил

Кагай.

Отключив связь с технодесантником, он обратился к свите.

— Люди Кирриона заплатили своим жизнями за шанс окончить эту войну. Пусть же их жертва не будет напрасной. Так или иначе, все закончится сегодня. За твой, братья. Всемя Вулкана.

Храм Ауры Церона вырисовывался впереди подобно костяной руке, ухватившейся за черное как столь небо.

...

*

...

ДАКИР, пригибаясь, шёл заметненными альковами вдоль западной стены храма. Напротив него, через сумрачную пучину нефа храма, вдоль боковой стены крался Цү'ган.

Каждый и остальная часть свиты медленно приближалась к центру, прячась за разрушенными

колоннами и обломками рухнувшей крыши. А у руки Церона. Несторян а силовые доспехи, они

двигались тихо, и не высокониваясь, подбираясь все ближе к цели.

Сотни культистов с надетыми на их лицах защитными ртами респираторами, распростерлись на

перед своим терзким Верховным жрецом. Говорящий с топали на трамплине, постаменте,

облаченный в синие одеяния подобно его священной конгрегации. В отличие от павших на

перед ним последователей с защитными проволокой ртами, Говорящий не был нем. Скорее

наоборот. Из его раздубившейся пасти с почерневшими пнями зубов внутри, вытирая извивающийся

фиолетовый язык. Уродливый отросток

крутился и хлестал по сторонам, будто живой. Изо рта

Говорящего извергалась непостижимая дрога, подуливавшаяся демоническим языком. Даже

звучание самих слов грызло чувства Дакира, и он подавил их, додававшиесь, что была эта тумация

-- зародой Хаоса. Это объясняло, как когда-то о недовольные уроженцы Стратоса, которые, всего

несколько месяцев назад были и немногим более четырех телами подстрекателями, смогли ввести

такую непоколебимую верность, к тому же в таких количествах.

Окружающая верховного жреца элита фанатичных войск, кольцо из восьми жрецов-свежевателей,

стояла на коленях с вытянутыми перед ними церемониальными цепными лечами.

...

*

...

О ТУВИДЕННОЙ ПОРЧИ У Цү'гана
остался горький привкус во рту. Какой бы
грязный обряд эти

дегенеративные отбросы не пытались
совершить, Саламандры окончат его огнем
и течет. Он

чувствовал, как в его груди разгорается
пламя фанатизма, и ему очень захотелось
оказаться сейчас

рядом с капитаном, исти вмести с ним
прямо к врагу, а не сидеть здесь, охраняя
тени.

Пусть игнорант прячется по окраинам,
подумал он. Мне предназначены более
славные деяния.

Высокомерные размышления Цү'гана
прервал дикий крик. Извергая
неразборчивую диатрибу,

Говорящий безумно указывал на вышедших
и зукирытий Кагаи гвух других

Саламандр.

Трусливые последователи с жуткой синхронностью сразу же атаковали на предупреждение своего хозяина и бросились к тройке нарушителей с явным намерением убить их.

Шен'кар поднял огнемет и с боевым криком на устах испепелил ряд взвешенных культистов.

Век'шен, вращая огненной глефой, атаковал следом за пламенем, едва пламя успело утихнуть.

Изготовленное вручную оружие пожинало ужасный урожай отсеченных конечностей и голов,

всплески зажигательного вещества поджигали тела каждым пламенеющим ударом.

Кадай был похож на неустанный бур, и воинское сердце Цү'гана воспарило от такого мастерства

и ярости. Направляя свой пламенныи гнев, капитан проделал выстрелом из инферно-

нистолета

рваное отверстие в одном из жрецов-свежевальщиков, прежде чем сокрушил громовым толотом

этот череп.

Когда жалкий священник с размозженной головой умер, Кагай подал сигнал, и засевшие в

альковах Цү'ган и Дак'ир начали вести фланговый огонь из болтеров.

Культисты валились на землю, разрываемые напополам его яростной очередью, и Цү'ган больше

не мог сдерживать жажду битвы. Он не будет сидеть здесь, играя роль стражи. Он хотел быть

вместе с капитаном и смотреть в глаза противникам, которых он повергал. Дак'ир сможет

удерживать периметр и без его помощи. В любом случае, врагов здесь хватит для всех.

Выкрикивая клятвы Вулкану, Цү'ган покинул свой пост и ринулся прямо в гущу

сражения.

• • •

*

• • •

ДАКИР ЗАМЕТИЛ ДУЛЬНУЮ вспышки
бомбера Цү'гана и громко выругался, поняв,
что он

ослушался приказов и покинул стену.
Размышая, не поступить ли и ему
подобным образом, он

увидел прорубающегося сквозь толпу
еретиков Кадая. Он находился почти в
шаге от Говорящего

и уже поднимал инферно-пистолет.

— Во имя Вулкана! — взревел он,
приготовившись навсегда покончить с
угрозой «Культа Правды»,
когда над бойней прогремел единственный
выстрел, и Говорящий с наполовину
снесенной

разрывным снарядом головой рухнул на

землю.

• • •

*

• • •

М Я С О И К Р О В ь застреленного

Говорящего забрызгало доспехи Кадая, и он
в шоке опустил

пистолет. На битву опустилось странное
затишье, враги неестественно замерли
посреди атаки,

пока капитан Саламандр отслеживал
источник выстрела.

Над ним располагался парашют, с которого
открывался вид на неф храма. Кадай
поднял взгляд

повыше, когда и собиравшихся теней
вышла фигура в кроваво-красных доспехах с
дышащимся

бомб-пистолетом в руке.

Пластинчатые доспехи воина украшали
чешуйки, подобные тем, что были у

первобытных ящеров

архаической эры. Его перчатки были
созданы в виде лап с длинными алыми
когтями, вокруг

которых потрескивающими рубиновыми
дугами телькали толнии. В одной руке он
сжимал посох

с исполненной в серебре головой ревущего
дракона на наконечнике, а в другой - болт-
пистолет,

который он возвращал в кобуру. Широкие
наплечники в оинасиеле подобно
укрепленным

чешуйчатым остовам, на каждом из
которых располагался шип. Он был без
боевого шлема и

открыто носил ужасные лицевые шрамы.
Огонь погубил когда-то благородное лицо
воина,

исказив, поглотив и переделав его облик в
нечто, что состояло из торщихся тканей,
красных

рубцов и открытой кости. Это было лицо
смерти, отвратительное и обвиняющее.

Носпине Кадая внезапно пробежался холодок, будто он погрузился в лед. Стоявшее перед ним

существо было призраком, наваждением, давным-давно погибшим в ужасной агонии.

И все же,

оно было из плоти и крови, призванное из могилы, будто некий отсторожительный дух.

— Нигилан...

— Капитан, — отвело наваждение, его голос потрескивал подобно иссохшей земле, испечённой

под безжалостным солнцем. Его жгучие красные глаза вспыхнули.

Шок Кадая быстро прошел, и он напрягся, подчиняясь праведному гневу.

— Отступник, — взревел он.

...

*

...

ОТ СОЗЕРЦАНИЯ ВОИНА грудь Так'ира

охватила сильнейшая боль, и он погрузился
в иномирье
своих грёз.

Храм исчез, и осталось лишь серое небо
Морибара. В бесконечный стальной
небосвод

устремлялись костяные монолиты, вдоль
бесчисленных кладбищеских дорог
тянулись ряды

склепов, поля таузолеев и долины гробниц.
Через легионы могил и фаланги склепов,
вдоль

погруженных в катакомбы батальонов
усыпальниц, Дак'ир шел по дороге, пока не
достиг конца.

И здесь, под холодной сырой землей,
лежала огромная печь крематория —
кипящая, горящая, ее
терзающее зарево было ни теплым, ни
таящим.

Видение изменилось, и тело Дак'ира
пронзила боль. Он схватился за грудь, но
чёрного панциря

там большего было. Он вновь был

сказутом, стоящим у края крематория —
огромной огненной
ямы, достаточно большой, чтобы
поглотить Титана, и горящей, все время
горящей в жидкот
ядре Морибара.

Дак'ири видал в ух Астартес,
карабкающихся по краю этих врат адской
погибели. Нигилан
отчаянно цеплялся за капитана Ушорака,
чье лицо в сне покрывались
выбоинами и
трещинами от исходящего снизу
сильнейшего жара.

В каверне бушевал сильный пожар. Он
пузырился и выбрасывал в воздух огненные
каскады
плотажей лавы. Из крематория вырвался
гигантский столб огня. Дак'ира закрыл
глаза, когда
огненный вал накрыл воинов.

Чьи-то сильные руки схватили Дак'ира за
плечо и оттянули от пламени,
поглотившего

отступников, которых они хотели предать правосудию, но не убить. Нигилан, егва видимый за

плотной завесой огня, кричал, и его лицо горело...

Вновь оказавшись в настоящем, на Дак'и ранах нынешний ононотворное головокружение, и он

попытался взять себя в руки. Ворту не гобыл привкус крови, и в глазах тельтешили черные точки. Стянув боевой шлем, он пытался вдохнуть.

В храме кто-то говорил...

•••

*

•••

— Ты ВЕДЬ УМЕР, — подозрительно сказал Кагай, смотря на воина. Он старался побороть невидимое давление, не дающее ему нанести удар по

отступнику, но его руки стали будто свинцовыми.

— Я выжил, — ответил Нигилан, чье траутированное лицо искалось от поддерживания психического давления, против воли Саламандра держащего поле битвы в стазисе.

— Ты должен был встретить правосудие, а не смерть, — сказал ему Кадай, а затем смильно улыбнулся. — Ты вы滋味ал перегруженную крематория, всколыхнувшую и близ того нестабильное ядро

Морибара, чтобы спасти собственную шкуру, и попытаться убить меня и моих братьев в начавшейся суматохе. Гибель Ушорака было твоих рук дело, твоих и его.

— Не стей говорить о нем! — закричал Нигилан, из его глаз, сжатых кулаков шпинхосилового посоха вырвались алые толнии. После многолетней вспышки ярости к Воину

Дракона вернулось
самообладание. — Убийца здесь ты, Кадай —
ничтожный генералишко, который пойдет
на все,

лишь бы поймать свою добычу. Но,
возможно, ты прав... я умер и возродился.

Кадай удалось приподнять инферно-
пистолет. Нигилан постепенно слабел.

Капитан готовился

одним рывком поднять его и пристрелить
предателя на месте, когда тело
Говорящего забилось в
конвульсиях.

— Это уже не важно, — добавил Воин
Дракона, отступая обратно в тени
парапета. — Только не для
тебя...

Как только Нигилан разжал психическую
хватку, Кадай выстрелил из инферно-
пистолета,

расплавив кусок парапета. Саламандры
готовились кинуться за ним в погоню,
когда окунувшая

Говорящего ужасная аура необъяснимым

образом подняла труп так, что он повис в воздухе, будто

бы подвешенный на невидимом крюке.

Мучительное существо поднял подбородок, открыв уничтоженное разрывным снарядом лицо.

Частично оставшаяся на окровавленном черепе гладкая красная плоть блестела в рассеянном

свете. Голова Говорящего была похожа на разбившееся яйцо. Внутри виднелась светящаяся

кобальтовая кожа. Сломанная кость превратилась в вызванное из темной нереальности злобное

обличье, когда нечто... неестественное... пыталось проникнуть в материальное измерение.

Глаз сияющего трака взглянул с полуторонней злостью. Когда-то выжженная на лбу Говорящего

восьмиконечная звезда воспылала на материализирующее чудовище. Она становилась все

более растянутой и будто бы живой, пульсируя подобно уродливому сердцу, когда тварь из варна

начала увеличиваться в размерах. Из спертной плоти пробивались похожие на луковицы нарости,

увенчанные кусками позвонков. Его пальцы начали увеличиваться, будто бы их

растягивали невидимыми нитками, и из них вырывались длинные, острые и черные когти. Широкая пасть

существа в подражании первичной тумации Говорящего начала вытягиваться еще сильнее, пока не превратилась лишенную губ бездну, внутри которой извивался язык с тремя выступами, каждый из которых заканчивался окровавленной костью.

Культисты забыли о страхе обожания, когда тело Говорящего было полностью сорвано.

Жрецы-свежевальщики поклялись в своей

непреклонной преданности, вновь обратив ценные

течи на

Саламандр.

Вырванное из эфирной дреты существо
было первобытным и лишь частично
разумным, и его

пожирал сильный душевный голод. Взревев
от ярости и тьки, оно ринулось к Кадаю,
поглотив по

пути пару жрецов-свежевальщиков. Тварь
заглотнула их подобно некому ужасному
василиску, и

когда добыча попала в его разбухшую
глотку, Астартес услышали явственныи
хруст костей.

- Тварь... - выдохнул Кадай и схватился за
рукоять громового толома, готовясь
ударить демона

изо всех сил. Нигилан продал свою душу
темноте и ладонь, что о только
подтверждалось его

преступными действиями.

- Умри, адское отродье! - воскликнул
Век'шен, становясь между капитаном и

освободившимся

демоном. Вращая огненной глефой с такой
скоростью, что она превратилась в
пылающую дыгу,

чемпион роты нанес настолько мощный
удар сверху вниз, что он разрубил бы даже
боевого орка.

Демон парировал удар когтями, сжав ими
глефу. Из рта-бездны темнел язык и
стремительно

обернулся вокруг Век'шена. Саламандра
открыл рот в бессловесном вопле, когда
существо

окончательно его сокрушило.

Кадай взревел и бросился на демона, когда
обмякшее тело его боевого брата,
раздавленное в том
месте, где его сжали языки, рухнуло на
землю.

• • •

*

ДАКИР **ПРИХОДИЛ** **В** чубство.
 Говорящий был терпев, хотя он и не видел,
 как это произошло, том
 лежал с простреленной головой у ног
 Кадая. Но он пропустил не только это,
 пока находился во
 власти сна-воспоминания. За время,
 ушедшее на то, чтобы отель о ш
 тренировки одолели
 вызванную воспоминанием длительную
 тошноту, Нигилан уже отступал в тени.
 Покинув
 фланговую позицию, Дак'ир бежал к нефу,
 решившись на преследование, когда группа
 культистов
 преградила ему путь.
 - Цүгсан! - крикнул он, вспоров брюхом
 одного повстанца цепным течом и
 выстрелив из болтера в
 лицо другого, - останови отступника!
 Салатандра кивнул со столь редко
 проявляемой симпатией и бросился за
 Нигиланом.

Дак'ир пробивался сквозь разъяренную
толпу, когда увидел поднимавшееся тело
Говорящего, и
почувствовал, как его кожу защипало от
касания варна...

•••

*

•••

ЦУ'ГАН БЕЖАЛ Н Он ефү, убивая
культистов кулаками, разрывая на куски
сгрудившиеся кучи
болтерным огнем. Краем глаза он едва
видел Шен'кара, испепеляющего ряды
еретических
паразитов яркими струями пламени.

Выбив деревянную дверь позади храма,
Цу'ган обнаружил ведущий к парапету
пролет из
каменных ступеней. Перепрыгивая по три
ступени за раз при помощи
сервогигантелей в доспехах,

он ворвался в затемненную приемную.

Внизу что-то происходило. Он услышал, как Век'шен выкрикнул призыв к оружию, а затем

опустилась тишина, будто бы все звуки исчезли во внезапно образовавшемся вакууме.

Возникшие в темноте горящие красные глаза одарили его холодным взглядом.

— Цү'ган... — сказал Нигилан, выходя из трака.

— Предательское отродье! — с яростью выкрикнул Саламандра.

Но Цү'ган не поднял болтер и не поразил врага на месте. Он просто продолжал стоять, казалось,

его тусклы были закованы в янтарь.

— Что... — начал он, но обнаружил, что язык у него стал свинцовым.

— Колдовство, — сказал ему Нигилан, поверхность его психосилового посоха переливалась

сверкающей энергией. Она отбрасывала в трак эфемерные вспышки света, освещая

ущстрашающий облик приближавшегося к
неподвижному воину Астартес колдуну.

— Я могу убить тебя прямо сейчас, —
откровенно произнес он. — Погасить свет в
твоих глазах, и
убить тебя, как Кадай Ушорака.

— Вам предложили искупление, — Цүгэн
изо всех сил пытался сформулировать
слова возражения,
одной лишь силой воли заставляя языки
повиноваться.

Зловещее выражение на лице Нигилана
стенилось негодованием.

— Так это было искупление? Духовная кара
о т р у к Элизия, п а р у ч а с о в с е го
хирургейонами-
до знавателями — н е э т о л и наст
предложили? — Он безрадостно расстягивается.
— Этому ублюдку мог
вынести лишь смертный приговор.

Ступив ближе, Нигилан заговорил
искренним тоном.

— Ушорак предложил жизнь. Силу, —
выдохнул он. — Свободу от кандалов,

принуждающих нас

прислуживать этому человеческому
скоту, когда ты могли бы править им.

Говоря это, Воин Дракона сжал кулак,
подойдя к же там близко, что Цыган
чувствовал медный
запах его дыхания.

— Ты видишь, брат. Ты не настолько
разные.

— Ты непохожи, предатель, — отрезал воин
Саламандр, кривясь да же о том простой
попытки
говорить.

Нигилан отступил назад, печально
разведя руками.

— Тогда может выстрел в голову, чтобы
закончить мою ересь? — его приподнятая
губа выражала

недовольствие. — Или лишение звание,
или клеймо кающегося в место твоих
шифтов выслуги
лет?

Он покачал головой.

- Нет... не думаю. Хотя, возможно, я отмечу тебя клейтом, брат, - Нигилан показал Саламандре

ладонь и широкоразвел пальцы. --
Интересно, ты будешь сопротивляться разложению сильнее,

чем та человеческая тарелонетка?

Цү'ган вздрогнул при приближении Нигилана, ожидая, что в любое мгновение он выпустит всю существующую терзость Хаоса.

- Не бойся, - проскрежетал Нигилан, настеничиво сжав руку обратно в кулак.

- Я ничего не боюсь, - рявкнул Цү'ган.
Колдун презрительно фыркнул.

- Ты боишься всего, Саламандра.

Цү'ган почувствовал, как его ботинки заскребли по полу, когда психическая сила потянула его к краю парапета.

- Хватит разговоров, - выплюнул он.
Сбрось меня. Если тебе так хочется, переломай мое тело.

Орден выследит тебя, отступник, и в следующий раз не дадут шанс на искупление.

Нигилан взглянул на него так, как взрослый смотрит на несмышленого ребенка.

— Ты все еще не понимаешь, нет?

Тело Ц'гана медленно развернулось так, чтобы он смог увидеть происходившую внизу битву.

Култысты падали толпами, сожженные и зогнется Шен'кара и ли же выпотрошенные цепным

течом Да'ира. Его братья сражались на пределе своих сил, сдерживая орду, пока их возлюбленный капитан сражался за свою жизнь.

Доспехи ручной работы Каада были пробиты в десятке мест от нападений демонического

существа, облаченного в плоть Говорящего. Когти, подобные длиным прорезям, в которых

виднелась сатана ночь, градом ударов

сыпались на капитана, но он выдерживал их, проводя

ответные атаки громовым молотом. В его устах звучало имя Вулкана, когда из навершия

выкованного в кузне молота с треском вирабласъ толни и опалила заимствованную плоть демона.

— Я был предан Ушораку, прямо как ты своему капитану... — сказал Нигилан на ухо Цүганды, пока

тот смотрел на разворачивающуюся внизу битву с порождением ада.

Кадай ударил демона в плечо, сокрушил кость, и конечность того безвольно повисла.

— ... Кадай убил его, — продолжил Нигилан.

— Он заставил нас искать утешение в Оке. Ты бежали

и оставались там на протяжении десяти летий...

В прорехах приземистой фигуры демона зашипел ихор, он цеплялся за реальность

все слабее, пока

Кадай неутомимо разил его кулаком и молотом.

- ... В той реальности время течет по-другому. Нам казалось, будто прошли столетия, прежде чем

ты нашли выход оттуда.

Из раздубившегося горла демонического существа вырвался хор воплей, когда Кадай сокрушил его

череп и изгнал обратно в варп, вместе с поглощенными им душами, толившими с помощь.

- Он изменил меня. Открыл мне глаза. Теперь вижу многое. Цыган, тебя ожидает великая

судьба, но ее отрачает некто другой, -
Нигилан слегка кивнул в сторону Дакира.

Игнеш сражался с отвагой, рубя последних культистов на пути к Кадаю.

- Даже сейчас он тчится к твоему капитану... - коварно сказал Нигилан, -
надеясь получить его
расположение.

Цү'ган знал, что лживому языку
предателя нельзя было верить, но
сказанные им слова повторяли
его давно зародившиеся подозрения.

И так, без ведома Саламандры, Нигилан
посадил семя. Но суть его был а не
демонической. Нет,

оно исходило из телочной ревности и
амбиций, именно из того, против чего у
Цү'гана не было
защиты.

— Этому культу, — продолжил давить Воин
Дракона, — Он — ничто. Стратос ничто.
Даже сам город

бессмысленный. Все это было ради него!

Кадай тяжело опирался на громовой
толот, устав после убийства демона.

Нигилан улыбнулся, и покрытая шрамами
кожа его лица заскрипела.

Капитан за капитана.

Понимание поразило Цү'гана подобно
холодному клинку.

Слишком озабоченный, не заметил
приближивающуюся сажище. Воин

Дракона, наконец, захлопнули
ловушку. Бросив пост, он позволил им
проникнуть тито стражей Салатандр.
Кулътисты служили
лишь в качестве отвлечения, истинный
же враг появился лишь сейчас.

Каким же он был дураком.

- Нет!

Одной лишь силой воли он сломил
психическую хватку Нигилана. Проревев
имя капитана, Цү'ган
сокочил с парапета. Хриплый стеж
следовал за ним весь путь вниз.

...

*

...

ДАКИР ПОЧТИ ДОСТИГ Кадая, когда
отступники остановили тулъти-тельту.
Выкрикнув
предупреждение, он метнулся к капитану.
Кадай повернулся к нему, в тоже время

услышав
доносившийся сверху крик Цү'гана, а затем
проследил за наполненными ужасом
глазами Да'ира.

Темноту прорезал сверкающий луч.

Он попал в Кадая, и его тело испарилось в
актинической вспышке.

Интенсивный порыв жара сбил Да'ира с
ног - - ударная волна ужасного взрыва
телты. Он

почувствовал запах опаленной плоти. В
его чувства ворвался раскаленный шип
агонии. Его лицо

горело, как во сне...

Да'ир понял, что сейчас потеряет
сознание, его тело готовилось
выключиться, когда анабиозная
мембрана отметила перенесенные воином
обширные травмы. Стумно, как если бы он
был

похоронен заживо и слыша из под слоя
земли, он услышал голос сержанта Н'келна
и его боевых

братьев. Да'ир сунул повернуть голову.

Последнее, что оно увидел, прежде чем
сознание

покинуло его, был Цыган, бросившийся на
колени перед обугленными останками их
капитана.

•••

*

•••

Нроснувшись, Дакир
обнаружил, что лежит в
аптекариионе «Гнева Вулкана». Внутри
аскетичного зала было холодно как в
тогиле, так рассеивался светящимися
символами на

медицинской аппаратуре вокруг него.

С пробуждением пришли воспоминания, а с
ними — горе и отчаяние.

Кадай был терпк.

— Добро пожаловать обратно, брат, —
произнес тихий голос. Лицо Фугиса было
более тонким и

изможденным че́м когда-ли́бо, когда он
возник над Да́к'иром.

Душевная тьма дополнялась физической
болью, и Да́к'ир потянулся к лицу, когда
оно начало
петь.

Фу́гис схватил его запястье, прежде чем
он успел прикоснуться к нему.

-- Я бы этого не делал, -- предупредил он
сержанта. -- Твоя кожа очень сильно
обгорела. Ты
исцеляешься, но плоть все еще чрезмерно
нежная.

Фу́гис отпустил руку, и Да́к'ир убрал ее.
Чтобы ослабить боль, аптекарий ввел
ему порцию
наркотиков через внутривенную
капельницу.

Да́к'ир расслабился, когда болеутоляющие
начали действовать, катализируя
естественные
регенеративные процессы его тела.

-- Что случилось? -- его горло казалось
шершавым и воспаленным, и ему

приходилось выдавливать
и засебя слова. Фугис отступил от
медицинского стола Дак'ира чтобы
проверить контрольные

приборы. При ходьбе он прихрамывал -- на
легонько было закреплена временная
аугментическая

шина для заживления перелома,
полученного во время падения. Фугис был
упрямым до

жестокосердия, и ничто не могло
помешать ему продолжать свою работу.

Стратос спасен, -- просто сказал он, стоя
спиной к Саламандре. -- Когда Говорящий
погиб и наши

огнеметы снова смогли работать,
повстанцы были быстро уничтожены.
Бури прекратились через

час после того, как мы вернулись на
площадь Аереона. Библиарий Пирисил
прибыл спустя

двадцать минут с остальными силами
роты для поддержки войск Н'келна,
который захватил стену

и уже был на пути к Ауре Церону...

— Но не успел спасти Кадая, — закончил вместо него Дак'ир.

Фугис прекратил работать и сжал приборную панель, которую он отлаживал.

— Да, даже его генное семя не удалось спасти.

Комната погрузилась в продолжительную наполненную горем тишину, прежде чем аптечарий

продолжил.

— Корабль, т.и.п. «Буревестник», покинул планету, но ты слишком опоздали, чтобы начинать

преследование.

Злоба в голосе Дак'ира могла покорежить металл.

— Нигилан и остальные отступники сбежали.

— Одному Вулкану известно куда, — ответил Фугис, повернувшись к пациенту лицом. — Третий

ротой командует библиариий Пириил, до тех пор как Магистр Ордена Ту'Шан не

назначит кого-то
на постоянной основе.

Дак'ир нахмурился.

— Мы летим домой?

— Наше дежурство в Поясе Адрона закончено. Мы возвращаемся на Прометеи, чтобы восстановить силы и залечить раны.

— Мое лицо... — отважился сказать Дак'ир после долгой паузы, — я хочу увидеть его.

— Конечно, — произнес Фугис и показал Саламандре зеркало.

Часть лиц Дак'ира была обожжена. Почти половина его ониксово-черной кожи стала

практически белой из-за сильного жара от выстрела телницы. Грубое и злое, оно, тем не менее,

выглядело почти человеческим.

— Реакция на интенсивное излучение, — начал объяснять Фугис. — Повреждение привело к регрессии клеток, вернувшись к форме,

предшествующей
почернению кожи, когда

генетическом

ты стал Астартес. Я пока не могу
сказать наверняка, но она не показывает
признаков немедленной
регенерации.

Дак'ир продолжал смотреть, затерявшийся
в глубинах собственного отражения и
подобии

человечности в нем. Фугис прервал
размыщения Саламандры.

-- Я тебя оставлю в покое, а это -- унесу, --
произнес он, забирая зеркало. -- Твое
состояние

стабильно, и сейчас я больше ничем не
могу тебе помочь. Я вернусь через пару
часов. Твоему телу

нужно время для исцеления, прежде чем
ты снова сможешь сражаться. Отдыхай, --
сказал ему

апотекарий. -- Надеюсь, когда я вернусь,
ты все еще будешь здесь.

Аптечарий вышел и похромал в какую-то
другую часть корабля. Но когда гверь за-

ним закрылась

с шипением стравливаемого воздуха,
Дак'ир понял, что был здесь не один.

— Цүган?

Он почувствовал присутствие брата даже до того, как увидел его выходящим из теней.

— Брат, — тепло прохрипел Дак'ир, вспоминая момент близости между ними, когда они вместе сражались в храме.

Сердечность испарилась, подобно украденному холодным ветром теплу огня, когда Дак'ир увидел трепаное лицо Цүгана.

— Ты непригоден быть Астартес, — без обиняков сказал он. — Смерть Кадая на твоих руках, игнорец.

Если бы ты не послал меня злым отступником, если бы ты был достаточно быстрым, чтобы

отреагировать на возникшую опасность, ты бы не потеряли капитана.

Горящие глаза Цүгана были холодныши

как лед.

— Я этого не забуду.

Дак'ир был настолько ошеломлен и даже не нашелся, что ответить, прежде чем Цү'ган повернулся

к нему спиной и вышел из аптекариона.

Сердце и душа Дак'ира наполнилась туманом, пока он пытался отбросить ужасные обвинения брата,

но затем усталость взяла верх, и он погрузился в глубокий прерывистый сон.

Впервые за сорок лет сон изменился...

•••

*

•••

СИДЯ В ДЕСАНТНОМ отсеке «Буревестника», Нигилан вновь и вновь крутил в руке устройство, украченное из хранилища в глубинах Кирриона. Вокруг колодуна находились другие воины

Дракона -- великан Ратлек, выдыхавший
и из воздуха распределительной решетки
крошечные

кусочки пепла и золы в попытке сорвать
с бесконечным гневом; Горган, его
чешуйчатая кожа

опадала, когда он снял боевой шлем,
бахающий тулити-телту подобно
домашнему любимцу;

Норхак, привередливо и методично
собирающий и разбирающий свое оружие.
Еще был Экрин, его

пилот, оставшийся охранять
«Буревестник», чьи кости-лезвия на
предплечьях были тщательно

спрятаны под силовым доспехом, пока он
вел корабль к конечной точке назначения.

Воины Дракона пошли на огромный риск,
пытаясь добывать устройство, и то даже
пришлось разжечь

настоящее восстание ради отвлечения
внимания от своих передвижений. Стерты
Каждая в

результате

уловки

особенно

удовлетворяла, это был неожиданный, хотя и приятный сюрприз для Нигилана.

«Буревестник» находился в полной готовности даже прежде, чем ловушка в Ауре Цероне

захлопнулась. Пока рвущиеся толпы самоубийственных культистов обеспечивали им прикрытие, отступники быстро покинули атмосферу Стратоса.

— К а к т а л о о н и понимают... — проскрежетал Нигилан, внимательно изучая каждую грань

позолоченного предмета на ладони.

Казалось бы, такой безвредный кусочек

загадки, внутри

двенацати пятиугольных поверхностей, вдоль ортодромов эзотерического писания, обволакивавшего его двенацатигранную поверхность, там был способ раскрыть тайны.

В этом и состояла цель дешифреクса — открывать то, что было скрыто. Нигилан

столкнулся с этой

загадкой в свитках Келока, древних
пергаментах, которые он и Ушорак сорок
лет назад забрали из

могилы Келока на Морибаре. Тот был
технократом и недооцененным гением. Он
создал нечто —

оружие, на многое превосходившее все то,
что могла предоставить убогая наука
текущего века

распада. Нигилан хотел воссоздать его
работу.

Более тысячи лет внутри Глаза Ужаса он
терпеливо вынашивал свое тесло, и
теперь, наконец,

начал получать то, что ему нужно было
для уничтожения своих врагов.

— Приближается к «Адскому ловчemu», — по-
воксу прозвучал загробный голос Экрина.

Нигилан застегнул гравиподвески. Когда
они сомкнулись на его бронированные
плечами,

удерживая его на месте во время посадки,
он устремился в стопровую щель

«Буревестника». Там,

и а ф о н е успокоившегося кобальтового торя, виднелся стоявший на якоре корабль цвета

расплавленного металла. Это был древний корабль со старыми ранами и еще более старыми

призраками. Его нос имел форму захваченного лезвия, будто бы пробившего в пустоте дыру. Но

всего обрамляли батареи орудий, чья пушечная бронха была серой и почерневшей от

пороха. Десятки башен и антенн тянулись вверх подобно скрюченным пальцам.

Корабль вошел в Глаз Ужаса обычной боевой баржей, но вышел оттуда уже чисто совершенно

иным. Это было судно Нигилана, и на борт колдуна уже ждали его воины — отступники,

наемники и перебежчики; пираты, налетчики и грабители. Они собрались здесь, чтобы стать

свидетелями его победы и таинственного
воплощения в жизнь его желания --
тотального и полного
уничтожения Ноктюрна, а вместе с ним и
стерти Саламандр.